

Тарас Дрозд

храм конца и начала

пьеса в двух действиях

Действующие лица:

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ – экстравагантный мужчина лет 50-ти.

ЭВА, ЭВЕЛИНА – его помощница лет 40-ка.

ДАША – тёмноволосая девушка 16-18 лет.

СОНЯ – светловолосая девушка 16-18 лет.

ЕВГЕНИЯ – крашеная девушка 16-18 лет.

ПАВЕЛ – 25-ти лет, серьёзный, кажущийся даже злобным, а иногда весельчак.

ДИНА ДМИТИЕВНА – 40-ка лет, на первый взгляд скромная особа.

ПАПОС – седой крепьш 60-ти лет, назвавшийся сначала таким именем.

РАЙСА – деловая женщина лет 30-40-ка.

НИКОЛАЙ – её помощник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*Пространное помещение,
то ли студия, то ли мастерская, то ли склад.
Бытовая и техническая мебель, подиум,
световые приспособления.
По-хозяйски входит Эвелина,
за ней осторожно Павел, Дина Дмитриевна и Папос.*

ЭВЕЛИНА. Прошу сюда. *(Указывает вошедшим, где можно расположиться. Подходит к пульту, включает какие-то тумблеры. Затем громко.)* Они пришли!.. *(Идёт к появившемуся Василию Викторовичу.)* Наши новые претенденты.

ВАСИЛИЙ ВИКТРОВИЧ. Маловато.

ЭВЕЛИНА. Да их всего было трое.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. За всю-то неделю? *(Подходит к пришедшим, внимательно рассматривает каждого.)* Молодой человек, перейдите туда, вы приняты. А вам, уважаемые, я должен отказать. К сожалению.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Почему?

ПАПОС. Мы прошли тестирование, семинар. Ваша помощница хвалила нас. Мы заплатили взносы.

Эвелина берёт за руку Павла и отводит к подиуму.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Видите ли, мы принимаем молодых, а вы уже люди взрослые.

ПАПОС. В вашем проспекте указано, что храм набирает всех желающих служить. Без ограничения по годам, расам, национальностям и так далее.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(внимательно изучая его)*. Вы пришли к нам по проспекту? Он у вас? Где вы его взяли? Покажите.

ПАПОС. Мне дала его прочесть одна ваша приверженца. Только прочесть.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Как её зовут?

ПАПОС. Она не сказала.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. По вашим глазам я вижу, что вы не говорите правды. Кто вы? Зачем сюда проникли?

ПАПОС *(не сразу, улыбаясь)*. В проницательности вам не откажешь. Да, я задался целью проникнуть к вам. Я учёный, психолог. Занимаюсь молодёжными движениями.

ЭВЕЛИНА. Значит, вы обманули меня?

ПАПОС. На ваши вопросы я отвечал честно. Я искренне хочу быть учеником вашего храма, верным последователем, служить традициям, исполнять обряды...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Обряды? Какие обряды?

ПАПОС. Ну-у... В каких позволите участвовать.

ЭВЕЛИНА. Не принимаем? *(Подает листок.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно. *(Берёт у Эвелины листок.)* А как вы о нас узнали? *(Пауза.)* Имя у вас какое-то странное. Папус.

ПАПОС. Папос. О. По-гречески папас означает отец, а папос – дед.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы грек?

ПАПОС. Ну, если похож, то спасибо за комплимент.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Папос, папус... Звучит как папуас. Несерьёзно для вашего возраста.

ПАПОС. Я под этим псевдонимом опубликовал несколько работ.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. У вас выходили книги?

ПАПОС. Не здесь. За рубежом. У нас только статьи в периодике.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(Эвелине, весело)*. А что, может быть, принять? Понятно, что искренне служить он не будет...

ЭВЕЛИНА. Зачем? Разве мы нуждаемся в пропаганде?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Тебе количество ни о чём не говорит? *(Папосу.)* Прошу.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А я?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. Так уж и быть, вы – тоже. Проходите сюда, пожалуйста. Будем считать, что вы приняты. Хотя я могу передумать. *(Показывает, что можно перейти к подиуму.)*

ДИНА ДМИТРИЕВНА *(тоже улыбаясь)*. Вы даже не спросили, как меня зовут.

ЭВЕЛИНА. У нас всё записано. *(Подает другой листок.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(заглянув в него)*. Дина Дмитриевна... Вас лучше называть по имени-отчеству?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Вы можете просто Диной. А вот вашу помощницу я попросила бы...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Эва, называй нашу новенькую по имени-отчеству.

ЭВЕЛИНА. Боюсь, что ей у нас не понравится.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Ну почему же?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Итак, на первых консультациях вы должны были несколько раз прочесть наш устав и тревник. Всё ли вам понятно, есть ли какие-то вопросы?

ПАВЕЛ. Я три раза прочёл, ничего не понял.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Очень хорошо. *(Ласково треплет его.)*

ПАПОС. А вот у меня есть вопросы по ряду формулировок.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что-то мне подсказывает, что с вами лучше распрощаться прямо сейчас.

ПАПОС. Всё, я не буду задавать никаких вопросов.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Не в этом дело. Я об эмоциональной составляющей. Наша вера... И преданность ей... Строятся на эмоциональной искренности... На чувственной безоговорочной одержимости... Если ты переполнен желанием служить всеми силами, без остатка, то у тебя не возникает даже мысли, сомнения, а надо ли выполнять то или иное повеление...

ПАПОС. Чьи повеления? Ваши?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Повеления храма. Службы. Которые буду я формулировать, естественно.

ЭВЕЛИНА. Он так не сможет.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Почему ты раньше этого не определила?

ПАПОС. Потому что я смогу! Только я сначала должен понять, принять, поверить, так сказать, что готов исполнить любой приказ командира. Ведь если я должен, как вы говорите, всеми силами, без остатка, то от меня, значит, требуется жертвенность? Способность пожертвовать всем?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Безусловно.

ЭВЕЛИНА. Это все понимают, только он, почему-то разжёвывает.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Взрослый дядя, ему надо всё уяснить. *(Папосу.)* Зачем вам это? Вы не молоды. Ах да, вы же изучаете...

ЭВЕЛИНА *(подходит к Дине Дмитриевне)*. А ты готова пожертвовать всем?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я просила по имени-отчеству. Это значит на «ВЫ».

ЭВЕЛИНА. Она не готова.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я тоже смогу!.. Только сначала, как сказал уважаемый Папос, должна принять, поверить всем сердцем... А тут сразу хамское отношение.

ЭВЕЛИНА. Ты ещё только хочешь стать служкой, а я уже жрица. Если ты воспринимаешь моё отношение к тебе, как хамское, то о какой способности пожертвовать собой можно говорить?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Хорошо. Скажу честно, мне неприятно, но я готова терпеть.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да зачем вам это надо? Идите домой, смотрите телевизор.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Вот именно поэтому я к вам и пришла. У меня больше нет сил смотреть телешоу нашего общества. Нет сил терпеть такую жизнь. Я бы сказала, силы есть и много, но их некуда применить. Они никому не нужны. Как и я сама.

ПАВЕЛ. Точно.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(к Павлу.)* Вы здесь по этой же причине, молодой человек? Надоели реальности жизни?

ПАПОС. Смертельно надоели. Точнее, смертельно надоели реальности существования. Данности, которых не изменить. Это не полноценная жизнь. Жизнь потребителя можно сравнить с жизнью пресмыкающегося, насекомого. Животные даже добрей.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Хорошо сформулировали, спасибо. *(Ещё раз к Павлу.)* Итак, всё надоело? А что вы пробовали?

ПАВЕЛ. Всё перепробовал. Ничего не тащит.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(не сразу, торжественно)*. Ну что ж, вы приняты! Объявляю как решение окончательное! Поздравьте друг друга.

ПАПОС. С чем? А-а, это как на телевидении!.. *(С наигранной радостью.)* Поздравляю!.. *(Пожимает руки Дине Дмитриевне и Павлу.)*

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Поздравляю вас, удачи!..

ПАВЕЛ. Спасибо, вам того же.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Итак, вы братья. Братья и сёстры. Мы все равны как служители храма конца и начала. Но!.. Как вы понимаете, существует весомое «но». Равны-то мы равны, но есть организаторы, жрецы, а есть только что принятые. Поэтому равенство у нас обусловлено добровольным подчинением старшим. Сознательным подчинением. Безоговорочным. Свободным. Есть природная свобода, воля и безответственность, а есть цивилизованная, свобода выбора.

ПАПОС. Мы эти условия приняли при подписании анкеты.

ПАВЕЛ. Когда сдавали деньги.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Конечно.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это на словах. А надо бы прочувствовать. Вера должна идти от чувства. Большого, мистического, захватывающего полностью. Сначала вы должны понять, умеете ли вы делать верные определения своими чувствами, своей интуицией.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Это как это?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Садитесь.

Он делает знак Эвелине, та выкатывает три старых кресла, в которые садятся Папос, Дина Дмитриевна и Павел.

Эвелина подходит к пульту, нажимает кнопки. Гаснет общий свет, но вспыхивает цветными переливами экран на подиуме.

Под неторопливую музыку появляется женская фигурка в облегающей одежде, производящая ритмичные движения. Видение танцующего силуэта длится около полуминуты, затем исполнительница уходит, экран гаснет, слышно, как где-то закрывается дверь.

ЭВЕЛИНА (*включив свет, говорит громко и значительно*). Это был не призрак, и живой человек. Сколько ей лет?

ПАПОС (*встаёт и тут же садится от жеста Василия Викторовича, что можно отвечать сидя*). Ну, возраст современных женщин трудно определить с точностью... От двадцати до тридцати.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Двадцать пять. Нет, двадцать четыре.

ПАВЕЛ. Ещё нет восемнадцати.

ЭВЕЛИНА. Какая у неё грудь?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я не рассмотрела.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что вам чувство подсказывает?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Это мужчины должны чувствовать. Мне кажется небольшая.

ПАПОС. Маленькая.

ПАВЕЛ. Нормальная у неё грудь.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А теперь смотрим фотографию.

На экране вспыхивает фотография Сони.

ПАВЕЛ. Ха-а!.. Ну, я же правильно сказал?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Молодой человек угадал только возраст.

ПАВЕЛ. Я сказал – нормальная!.. (*Умолкает под жестом Папоса.*)

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Третий вопрос. Способна ли эта девушка на жертвенный поступок?

ПАПОС. В каком смысле?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Нынешняя молодёжь не способна на такое, они живут в своё удовольствие.

ПАВЕЛ. Да какая жертвенность, вы чо?

ПАПОС. Думаю, что нет.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы даже близко не ощутили её внутренний мир. Продолжим. *(Делает знак Эвелине.)*

Гаснет свет.

Из-за слабого свечения в глубине видно, как перед сидящими смеясь и напевая пробегают Евгения, подпрыгивая и кружась. Сидящие её не видят. И это явление длится полминуты. Девушка уходит, слышно, как закрывается невидимая дверь.

ЭВЕЛИНА *(включив свет)*. Какого она роста?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Высокая.

ПАПОС. Да, высокая.

ПАВЕЛ. Ну, так выше среднего.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Она не высокого роста. Цвет волос?

ПАПОС. Светлый.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Такие, пшеничные.

ПАВЕЛ. Блондинка, конечно.

На экране вспыхивает фотография девушки с яркими рыжими волосами.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. О, Господи!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Не упоминайте имени Господа всуе!..

Вопрос. А эта девушка способна на роковой поступок?

ПАПОС. Да что вы под этим подразумеваете?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Поступок ради веры.

ПАВЕЛ. Какой поступок? Она умеет только жвачку жевать.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Нет, не способна.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(наигрывая огорчение)*. М-да...

ЭВЕЛИНА. Вы не смогли определить ни внешних данных истинно верующих, ни их внутренних желаний.

ДИНАС ДМИТРИЕВНА. Она способна, способна!..

ПАВЕЛ. Я же угадал возраст!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, вы оказались ближе всех. В остальном положитесь на нашу помощь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А мы?

ЭВЕЛИНА. А вы, к сожалению...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы, к сожалению... Без нас обойтись тоже не сможете. Всё, что здесь сейчас происходило, было доказательством того, что без нас, жрецов, принятие нашей веры, вхождения в храм у вас не получится. Вы логично мыслите, реагируете, но метафизические ощущения у вас не развиты. Речь шла о добровольном подчинении, помните? Теперь вы согласны, что подчинение необходимо? *(Пауза.)* Ранее вы подписали условия безоговорочного подчинения на бумаге, теперь прочувствовали нутром. Согласны?

ПАПОС. Согласны.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. А где же радость на лицах?

ПАВЕЛ. Ничего себе.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Истинная вера – это радость!

ПАПОС. Радость от чего?

ВАСИДИЙ ВИКТОРОВИЧ. От просветления.

ПАПОС *(весело)*. Ну, вот когда мы просветлеем...

ПАВЕЛ. Тогда и заржём.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Договорились. *(Отходит к пульту.)*
Садитесь.

Эвелина в это время укатывает кресла.

ДИНА ДМИТРИЕВНА *(оглядываясь)*. А на что?

ПАВЕЛ. Не понял.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(с наигранной горечью)*. Да-а!.. Только что речь шла о безоговорочном подчинении.

Папос усаживается на пол.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Так, что ли? *(Тоже усаживается на пол.)*

ПАВЕЛ. Я постою, можно? А-а, ладно!.. *(Тоже садится.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А сейчас вы попробуете разгадать человека с моей помощью. *(Говоря монотонно, усыпляющее, обходит сидящих и делает незаметные для них пассы.)* Чтобы верно прочувствовать личность... Нужно уйти в подсознание, отдаться его воле... Не думать, не анализировать, не разгадывать... А впитывать звуки, цвет, контуры, ощущения невидимых волн... И то, что мелькнёт на внутреннем экране... Первая догадка, рождённая импульсом... Определение не головой, а чувством... Вы меня поняли, вы готовы, вы спокойны... Закройте глаза... Слушайте!..

Звук открываемой двери, в сумраке подиума появляется девушка, поющая грустную песню без музыки. Сидящие её не видят, к тому же Эвелина убирает почти весь свет. Песня заканчивается, девушка уходит. Слышно, как дверь закрылась.

ЭВЕЛИНА *(включив освещение над сидящими)*. Ну, что скажете?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А что мы должны сказать? Про цвет волос?

ПАВЕЛ. Размер груди и какого роста?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что вы почувствовали?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Мне показалось, что эта девушка... Она такая...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Первая мысль!

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Первая мысль была вообще-то... Не совсем приятная... Страшная даже...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну же!

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Что она хочет покончить с собой... Но мне это только показалось!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вот!

ПАВЕЛ. У меня такая же мысль промелькнула. *(Весело.)* Что подруга замочиться готова.

ПАПОС *(негромко)*. Не может быть!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(подойдя к нему)*. Что вы сказали?

ПАПОС. Я ощутил тоже самое.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А поточнее?

ПАПОС. Смертную тоску.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Всё верно. Эта девушка сегодня расстанется с этой жизнью.

ДИНА ДМИТРИЕВНА *(возмущённо)*. Что?

ПАВЕЛ *(весело)*. Как это?

ПАПОС. Где?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Прямо здесь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. И вы так спокойно говорите об этом?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А теперь перейдём ко второму шагу посвящения. Эва!.. *(Делает ей знак.)*

ЭВЕЛИНА *(проходя мимо него)*. Он же напишет о нас.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Очень хорошо. Я всё понимаю.

ЭВЕЛИНА. Зачем так рисковать? *(Меняет освещение.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(с вдохновением)*. Итак, добровольное подчинение!.. Вы только что узнали, что здесь произойдёт. У вас протест, возмущение, как же так, это бесчеловечно. Всё верно, так и должно быть у нормальных людей. Честных, добропорядочных, отзывчивых. Но вы сейчас переходите в другую категорию. Хотите стать верующими. Ещё не стали. Надо сделать первый шаг. И тут оказывается, что надо переступить через себя. Вот и давайте определим, сможете ли вы сделать такое. Вы сами должны прочувствовать себя, просканировать, выражаясь современным языком, взвесить свою энергию, способности, хватит ли сил у вас подчиниться. Усмирить свой протест ради вхождения во храм. Лишь такой сознательный поступок непротивления поможет стать истинно верующим...

ПАПОС. Вы уверены, что именно такой поступок?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Зачем так сурово?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вера – это жертвенность. Понимаете? Вы думали, что мы здесь будем говорить, говорить и говорить? *(Папосу.)* Вот вы, кажется, хотели, выражали готовность, исполнять обряды. Я не ошибаюсь? Вот и возможность.

ПАПОС. В чём же суть?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. В принятии. В согласии.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. То есть, я должна согласиться, что на моих глазах погибнет человек?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Когда гибнут по телевизору, вы же воспринимаете? Ужасно, кошмар, но что поделать. А здесь совершается обряд, приняв который, ощутив его необходимость, вы просветлеете.

ЭВЕЛИНА. Она не сможет.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Смогу!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Спаситель чудовищной смертью своей дал просветление. Люди стонали, кричали, рвали на себе волосы от горя, но пришли к истинной вере. После чего он воскрес.

ПАВЕЛ. Значит, кричать можно будет?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно. Даже падать в обморок. Вспомните, там, на Голгофе, произошла насильственная смерть, а здесь – добровольная, осознанная. Которая откроет вам истинное понимание божественной сути.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. То есть, я должна спокойно принять то, как эта девушка покончит с собой?

ЭВЕЛИНА. Я же говорю, она не способна.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Принять смиренно, как обряд, несущий просветление. Не только эта. Все три девушки.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Какие три?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Та, что пела и две предыдущие.

ПАВЕЛ. И те две? Вы про них ничего не говорили!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну как же, молодой человек? Я говорил про обряд? Обряд – это массовое действие. Странно только, что вас трое всего лишь. Маловато. Недостаточно.

ПАВЕЛ. А если мы не согласимся?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Если вы не согласитесь участвовать в обряде? Вы не примите нашей веры, только и всего. Не войдёте в храм. Всего лишь. Мы с вами простимся на этом.

ПАВЕЛ. А обряд?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Произойдёт в другом месте. Не сегодня, в другое время. С другими желающими войти в храм и стать верующими.

ЭВЕЛИНА. А по условиям соглашения, договора, который вы подписали, вы обязаны хранить тайну.

ПАВЕЛ. Деньги, конечно, не возвращаются?

ПАПОС. Я согласен.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Вы согласны наблюдать, как человек...

ПАВЕЛ. Ты сможешь, дед?

ПАПОС *(улыбаясь ему)*. Если буду падать в обморок, ты меня подхватишь.

ПАВЕЛ. Я тоже согласен! Я с ним.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. И я согласна.

ЭВЕЛИНА. Ты же не сможешь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Не твоё дело! Повторяю, я смогу. Я постараюсь.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А вот стараться не надо. Зачем же себя заставлять? Это насилие.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А то, о чём вы говорите, это не насилие?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да мало ли о чём я говорю, или говорил?.. Я говорил, вы говорили, мы говорили!.. Речь шла о добровольном подчинении, вот главное! Даже слово подчинение здесь не совсем удачное. Получается, что вас заставляют, а вы подчиняетесь. Боже упаси! Нет! Вы добровольно согласны и желаете... Желаете!.. Участвовать в обряде!.. Не мешаете его проводить... Повторяю, обязуетесь не мешать его проведению!.. А то я заметил, как в ваших глазах промелькнули какие-то огоньки. Озорные какие-то. Не надо. Итак, вы желаете участвовать в обряде ради просветлённого вхождения в храм истинной веры. Вы согласны?

ПАПОС. Мы согласны.

ПАВЕЛ. Да, согласны.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я согласна.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ваше согласие – это часть вашего просветления. На лицах уже должна быть радость. А я почему-то не вижу. *(Подходит к Папосу.)* Вы рады?

ПАПОС *(серьёзно)*. Очень.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. Не надо переживать и волноваться. Отрицательная эмоциональность только помешает. *(Как бы по секрету.)* Это лишь предполагается, что произойдёт что-то ужасное... Так оговаривается действие, таким должен быть обряд. А каким он будет на самом деле...

ДИНА ДМИТРИЕВНА. То есть, вы хотите сказать?..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я ничего не хочу сказать.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Так они покончат с собой?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Действие произойдёт на самом деле. Серьёзно и по-честному. Но вы должны верить.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Во что?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. В нас. В силу и мощь нашего храма. Верить в меня, если хотите. Я же только что доказал вам способности нашего храма. Вы не умели определять людей, а с моей помощью научились. И что же? Вас это не убедило. Вы мне не верите.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А в кого именно мы должны верить?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. В создателя. У него много имён. Какое вам больше нравится – это ваше дело. Главное – истинно верить.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А что значит – истинно?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(Папосу)*. Вы сможете ей ответить?

ПАПОС. Она же вам задала вопрос. *(Дина Дмитриевне.)* Истинная вера не требует доказательств. Это не наука.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Например. Ваш друг, родственник, организация, структура какая-нибудь, правительство, совершили ряд неблагоприятных поступков. Всё, вы им не верите. А создатель за них не отвечает. И вера в него – это не вера в человека. Истинную веру отчасти можно сравнить с собачьей преданностью.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Вы хотите, чтобы мы походили на животных?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я привёл сравнение. *(Глядя вверх.)* М-да!..

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Всё, мы вам верим.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Надеюсь, мнение общее?

ПАВЕЛ. Конечно.

ПАПОС. Единодушно.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(взглянув на часы)*. Ну что ж, скоро начнём. Жаль, что вас всего лишь трое.

ЭВЕЛИНА. Народ что-то совсем.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну, может быть, после сегодняшнего...

ЭВЕЛИНА. Я бы отменила. Давай не будем? Ради трёх человек?

ПАПОС. Нет и нет!

На пульте звонит телефон.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(подойдя и взяв трубку)*. Слушаю... Наконец-то!.. Как их провели?.. Они не поймут, где находятся?.. Очень хорошо, давайте. *(Кладёт трубку.)* Эва, встречай.

ЭВЕЛИНА. Кто-то будет ещё?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, я не сказал тебе... Я пригласил...

ЭВЕЛИНА *(возмущённо)*. Посторонних?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сейчас ты поймёшь. *(Делает ей знак встретить гостей.)*

*Эвелина выходит и возвращается.
За ней входят Раиса, одетая в брючный костюм,
и Николай, её помощник с большой сумкой в руках.*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Здравствуйте!.. Давно вас ждём.

РАИСА. Заблудились немного. Здравствуйте. Нас вели сюда тремя сменами. Зашифровались вы неплохо. Самостоятельно отсюда не выбраться?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это моя помощница. Эвелина. *(Указывает Эвелине на Раису.)* Раиса, известный журналист. Узнаёшь, наверное.

ЭВЕЛИНА. Да, конечно.

РАИСА. Это мой помощник Николай.

ЭВЕЛИНА. У нас строжайше запрещено снимать и записывать. Не знаю, что вам наобещал Василий Викторович, но я не позволю. Сдайте вашу аппаратуру.

НИКОЛАЙ. Она в чехле. *(Показывает, что сумка-чемодан закрыта.)*

ЭВЕЛИНА. У вас может быть включена скрытая камера. Или микрофон. Сдайте, пожалуйста. *(Берёт у Николая сумку, несёт к металлическому шкафу и закрывает в нём.)*

РАИСА. Он совершенно не профессиональный оператор. Зря вы беспокоитесь. Он скорее мой телохранитель. Одна бы к вам я не отважилась. Такие переходы с вашими охранниками.

ЭВЕЛИНА. Если Василий Викторович разрешил вам присутствовать, то прошу сюда. *(Выкатывает два кресла, располагает их в стороне.)* Но не более. Записывать, снимать, как-то фиксировать – исключено.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я предупреждал их об этом. Спасибо, Эва.

ЭВЕЛИНА *(подходит к нему, говорит вполголоса, спиной к остальным)*. Я, вообще-то, не понимаю... Мы договаривались...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Времена меняются. *(Выходит в ярко освещённый центр. Громко и с восторгом.)* Итак, вы присутствуете при обряде посвящения новичков в служащих, в адептов веры. Они доказали, что готовы к обращению, к беззаветному служению... Отдать всего себя, телесно и духовно... Готовы войти в лоно истинной веры... Остаётся сделать решающий шаг... Непростой и суровый... Жестокий и трагичный!.. Но только переступив через себя во время свершения обряда они смогут войти в наш храм... *(Раисе.)* О сути нашей веры, учении и обрядов храма, вам примерно известно... *(Эвелине.)* Я давал Раисе на ознакомление нашу литературу.

ЭВЕЛИНА. Вступительную? Требник?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И общий проспект.

ЭВЕЛИНА. Это же тайна!.. Только для посвящённых...

РАИСА. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Я не совсем журналист. Я пишу книгу, научный труд, о молодёжных движениях. То, что мы здесь увидим, не попадёт в газеты или на телевидение. Мы набираем материал для анализа. Николай психолог, мой помощник. Правда, я вижу, что ваши новые посвящаемые не совсем молодые люди...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это сегодня почему-то. И возраст и количество. Обычно и больше и моложе. Но мы принимаем всех! Продолжим, внимание!.. Эва, спокойно.

ЭВЕЛИНА. Да пожалуйста!.. *(Демонстративно уходит вглубь и садится.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Продолжим. Суть обряда заключается в том, что посвящаемые воспримут как высшую необходимость свершающегося на их глазах, прямо здесь и сейчас, акта перехода в другой мир, в тот, в который мы верим. Они воспримут как благо добровольный уход из жизни.

НИКОЛАЙ. Что? *(Раисе.)* О чём это?

РАИСА. Если можно, поподробнее.

НИКОЛАЙ. Вы хотите сказать, что здесь произойдёт суицид?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это по-вашему так называется.

НИКОЛАЙ. А по-вашему? Это же подсудное дело.

РАИСА. Помолчи. Ещё ничего не произошло. Мы обещали не мешать.

НИКОЛАЙ. А кто уйдёт из жизни?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Наши верующие. Истинные служительницы. Они совершат осознанный переход к высшей сфере храма.

НИКОЛАЙ. Ничего себе.

РАИСА. Да замолчи же, наконец.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Эва, приведи сестёр, готовых стал ангелами нашего храма.

НИКОЛАЙ. Простите, а вы его основатель?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И верховный жрец.

Эвелина подходит к пульту, нажимает кнопки, ярко освещается подиум, все остальные места помещения - в сумраке.

Эвелина уходит, слышно, как открывается дверь.

На подиум выходят три девушки,

Даша, Соня и Евгения.

СОНЯ. Что? Ты как здесь?

ПАВЕЛ *(весело)*. Привет!

ЕВГЕНИЯ *(в ужасе)*. Мама?..

ДАША. О, Господи!.. *(Закрывает лицо руками.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(тревожно)*. Не понимаю!.. Эва, что происходит?

ЭВЕЛИНА *(взбежав на подиум)*. Девушки, вы их знаете?

ДАША. Это мой дедушка. *(Кивает на Папоса.)*

СОНЯ *(кричит Павлу)*. Зачем ты сюда припёрся?

ПАВЕЛ. Ради тебя. Ты же не верила.

СОНЯ *(вверх)*. Идиот!..

ЭВЕЛИНА *(спускается с подиума, идёт на новеньких)*. Так вот зачем вы сюда проникли!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что, все трое?.. *(Тоже подходит и всматривается в лица Павла, Дины Дмитриевны и Папоса. Затем обращается к Раисе.)* У нас бывало раньше, что кто-то проникал с умыслом как-то помешать, навредить, чтобы мы прекратили своё существование...

ЭВЕЛИНА. Не проникал, а пытался! Хотели проникнуть. Пробовали.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Один из десяти, пятнадцати, не более.

ЭВЕЛИНА. Но мы быстро таких раскалывали. То есть, вычисляли. Детектор сразу определял неискренность.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Чаще молодые люди. Такие, как он. (Павлу.) Вы проникли сюда ради своей любимой?

ПАВЕЛ. Да, я хочу её спасти.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну и похвально. Соня, вы знали, что замышляет ваш молодой человек?

СОНЯ. Нет, конечно. Я давно с ним порвала! Месяц не видела его дебильное рожи.

ПАВЕЛ. А я тебя предупреждал!.. Что готов ради того чувства, что у меня вот здесь, готов ради этого чувства на многое. Даже покончить с собой.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Мы вам представим такую возможность.

ЭВЕЛИНА. Всё шутишь? Вам всё шуточки, Василий Викторович?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Как им удалось тебя обмануть?

ЭВЕЛИНА. А я предупреждала!.. У меня было предчувствие, что именно этих принимать не стоит. Я говорила. Что давай не будем. Что сегодня не надо. Всё, прекращаем? (Павлу, Дине Дмитриевне и Папосу.) На сегодня – всё! (Девушкам на подиуме.) Девушки, свободны, уходите. Служба прекращается. Обряда не будет.

СОНЯ. Скотина... (Стоит на подиуме, как и остальные.)

ЭВЕЛИНА (подойдя к сидящим Раисе и Николаю). Извините, сеанс окончен.

РАИСА (вставая с кресла). Как же так, Василий Викторович?

НИКОЛАЙ (тоже вставая). Да ладно, чего ты?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (не сразу, но громко и пронзительно). Не-ет! (Спокойней.) Обряд состоится. Всем оставаться на местах. Девушки, не уходим. Присядьте.

НИКОЛАЙ (Эвелине). Вы мне сумку не достанете?

ЭВЕЛИНА. Да, конечно. (Идёт к шкафу, достаёт сумку.)

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Эва, служба продолжается!

ЭВЕЛИНА. Сомневаюсь. (Отдаёт спрятанное Николаю.)

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я, как верховный жрец, докажу, что здесь состоится и произойдёт то, что задумано свыше! Девушки, присядьте! (Подходит к ним и каждую несильно, жестом, опускает на подиум.) Вы же готовы? Ну, так в чём дело? Возникающие препятствия должны только усилить ваши желания. Создатель посылает нам испытания и мы их принимаем. Верно? А сейчас!.. Все замерли!.. Эва, свет!..

ЭВЕЛИНА. Они обманули детектор! Вот главный вопрос!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (быстро подходит к ней). Ты что, не чувствуешь? Именно сейчас, сейчас, нужно доказать, что мы имеем право.

ЭВЕЛИНА. Доказать? Кому?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Себе! Вот оно время настоящего испытания.

ЭВЕЛИНА. Я тебя очень прошу!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (кричит на неё). Све-ет!!!

*Василий Викторович уходит за ширму.
Эвелина подходит к пульту и нажимает
кнопки. Теперь ярко освещены Папос, Дина Дмитриевна
и Павел, а девушки на подиуме в полумраке.
Василий Викторович появляется в новом
облачении, на нём белая мантия с цветным
кругом на левой стороне груди, в котором
жирная и чёрная буква **W**.*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*подойдя к тем, кто ярко освещён*). Если вы прошли все подготовительные ступени и смогли убедить детектор, то, значит, ваши чувства и стремления были искренними? Эмоции – это не слова и мысли. Ваше желание постижения новой веры было правдивым?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Конечно.

ПАПОС. А что это за буква у вас на груди написана?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Дубль-вэ. Меня зовут Василий Викторович. Одна В-э и вторая В-э.

ПАПОС. Но в этом есть и какой-то смысл?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*печально улыбнувшись*). Попробуйте сами его разгадать. Вы же умный.

ЭВЕЛИНА (*подбегая к нему*). Они обманули технику! Как им это удалось? (*Готова наброситься на Дину Дмитриевну.*) Как вы это сделали?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Они не обманывали. В том-то и дело. Их желание попасть к нам искреннее.

ЭВЕЛИНА. Они проникли ради них! (*Жест на девушек.*)

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А это и есть искреннее желание. Пожалуй, даже самое главное, самое важное. Истинная вера! Что дорогого человека надо спасти. (*Папосу.*) Верно? А теперь пойдём дальше. Надо ли их спасать? Нужна ли девушкам ваша помощь? Если вы желаете постичь наши уверования, войти в храм через необходимость спасения, ведомы этой страстью, то надо бы постичь и стремления девушек. Разобраться и оценить. Оценить и принять. Может быть, их спасти и не надо? Может быть, им надо помочь?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Как это?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А вот давайте посмотрим. Соня, ты сможешь убедить своего молодого человека...

СОНЯ (*перебивая*). Он не мой!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*поморщившись*). Сможешь доказать своему поклоннику, что твой замысел разумен?

СОНЯ. Конечно.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что поступок твой необходим, прежде всего, ему самому?

СОНЯ. Я попробую.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*Павлу*). Молодой человек, сюда, пожалуйста.

*Василий Викторович сопровождает
Павла на небольшую площадку,
туда же приходит Соня.*

СОНЯ (*Василию Викторовичу*). Я готова. Я смогу.
 ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Всё, нас нет! (*Делает знак Эвелине*).

*В ярком свете только двое,
 остальные в темноте.*

СОНЯ. Я говорила тебе, что люблю другого?

ПАВЕЛ. Да.

СОНЯ. А у него такое же чувство ко мне, как у меня к тебе?

ПАВЕЛ. Да, говорила.

СОНЯ (*страстно*). Моё сердце так же, как и твоё, разрывается!..
 Мокнет в слезах страдания. Меня привело сюда моё сердце.

ПАВЕЛ. Меня тоже.

СОНЯ. Значит, мы одинаково мучаемся? Это уже не любовь, это больше, когда вместе, понимаешь? Прочувствовать, осязать чужую боль, как свою, понимать, что она такая же!.. Ты ощущаешь меня, Пашенька?

ПАВЕЛ. Конечно, Сонечка!..

СОНЯ. А теперь слушай!.. Там страдания мои никому не нужны. Там гордятся лишь одним. Забей, люби только себя. Ты прекрасно знаешь, сам такой.

ПАВЕЛ. Почему?

СОНЯ. По определению. Слушай внимательно. Если способен ощутить, что чужая боль такая же, как твоя.

ПАВЕЛ. Конечно!..

СОНЯ. Значит, ты понял? Чувство моё безответно, а потому обречено лишь угасать. Что мне остаётся? Влачить унылые будни? Я не хочу!

ПАВЕЛ. И я не хочу!

СОНЯ. А здесь!.. Здесь... Здесь мне открывается другой мир... Где миллиарды таких же человеческих страданий составляют целое... Они все вместе!.. И от их единства происходит истинный свет, дарящий радость!.. Как солнышко, от лучей которого становится весело... Но это другой свет, другая энергия... Солнце там, в том мире, а здесь... Здесь открывается переход в мир другой... Что в нём – неизвестно... Каково в нём – никто не знает!.. Но то, что частички наших страданий образуют в этом мире единый океан истинного света – это верно... И эту веру я ощутила здесь!.. Я хочу быть частичкой света радости!.. Я не хочу страдать там, я хочу быть счастлива здесь!..

ПАВЕЛ. И я хочу тоже!.. Я с тобой!..

СОНЯ (*будто придя в себя*). Зачем со мной? Не надо со мной. Я хочу быть счастлива одна. (*Оглядывается на Василия Викторовича*.)

ПАВЕЛ. Одна, конечно, одна! Но я пойду за тобой! Я тоже хочу быть здесь!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*подходя к ним*). Замечательно, молодой человек. Вы прониклись. Вы ощутили.

ПАВЕЛ. Да, я ощутил! Я хочу быть с ней!.. С вами...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы только ощутили свет истиной веры. Но ещё не вошли в храм. Ради вашего посвящения Соня и готова совершить обряд. Тогда вы будете окончательно с нами.

ПАВЕЛ. Я тоже хочу совершить обряд. Если вы принимаете меня?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Эвелина!.. (*Делает знак Соне, чтобы она ушла на подиум*.)

ЭВЕЛИНА *(подойдя и включив ручной аппарат, приставляет клемму к груди Павла, смотрит на дисплей)*. Он не врёт.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(торжественно)*. Молодой человек!..

ПАВЕЛ. Павел. Можно по имени?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я могу называть тебя ласково!.. Павлик!.. Вы ещё раз доказали, что ваши чувства искренни, ваше желание правдиво...

ПАВЕЛ *(перебивая)*. Я хочу к ней!.. К вам... Быть таким же, как вы...

ЭВЕЛИНА. Ты готов отдать всего себя? Всю душу и сердце?

ПАВЕЛ. Без остатка.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И вы сейчас будете посвящены!.. *(Эвелине)* Вот видишь, служба продолжается, обряд идёт. *(Берёт Павла за руку и переводит на другое место, возвышенное. Опускает там на колени, накидывает на него покрывало из такой же ткани, как его мантия.)* Эва!.. *(Звучит органная музыка, под которую он бормочет что-то наподобие молитвы, но не все слова различимы.)* Создатель наш, сверхдержитель и вдохновитель!.. Дай нам света и понимания!.. Укажи нам пути в истину и правду!.. Наполни сердца наши верой!.. *(Бормоча, вскидывает руки.)* Прими в храм свой новообращённого Павла, желающего всем сердцем быть с тобой!.. Да будет он частицей света и души нашей!.. Истина!.. *(Музыка заканчивается.)* Войди! *(Срывает с Павла ткань.)*

ПАВЕЛ *(поднимается с колен с сияющим лицом)*. Я принят? Я с вами?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ты с нами отныне. Пойдём.

ПАВЕЛ. А ты кто?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Брат. Старший. Отец и проводник твой. Пошли. *(Ведёт Павла к подиуму с девушками.)*

ПАВЕЛ. Я совершу сегодня обряд?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Непременно. *(Треплет его по волосам.)* Сегодня и всегда. Ты частица нас, а значит, уже совершаешь его. Начал. Сёстры, любите вашего брата единоверного.

СОНЯ *(подходит и целует Павла)*. Мы любим тебя, брат наш!..

ПАВЕЛ. Я – всё... *(Опускается на подиум, раскинув руки.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(подходя к Раисе, вполголоса)*. Вам, может быть, что-то непонятно? Нет каких-либо вопросов?

РАИСА. Пока нет.

НИКОЛАЙ. У меня вопрос, если можно. *(Тоже вполголоса, будто рассчитывая на особую интимность.)* А вот это событие, о котором идёт речь, произойдёт на самом деле?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(громко, чтобы слышали все)*. Конечно!.. Не сомневайтесь, вы будете свидетелем. *(Идёт к Дине Дмитриевне.)*

НИКОЛАЙ *(ошеломлённо)*. Свидетелем?.. *(Раисе.)* Послушай...

РАИСА. Ну, ты можешь спокойно посидеть?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(Дине Дмитриевне)*. Ваше прохождение сюда тоже было искренним. Что же вы заготовили сказать вашей дочери?

ДИНА ДМИТРИЕВНА *(проникновенно)*. Женя, доченька!..

ЕВГЕНИЯ. Не надо, мама!.. Я не хочу, чтобы она была здесь. Я не смогу при ней ничего сделать.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Дина Дмитриевна, ваше желание быть в нашем храме сталкивается с её желанием служить храму. Мы должны отдать кому-то предпочтение. Вы, надеюсь, понимаете, что не вам?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Не понимаю! Я хочу искренне служить. Спасать людей, помогать заблудшим... А её выходка – это каприз! Пусть она уходит.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ого, спасать людей?.. Эва, она метит на наше место. Хорошо, теперь подумайте. Если она уйдёт, то будет лучше для вас, если она совершит задуманное в другом месте?

ЭВЕЛИНА. Мы-то не можем этого позволить.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это станет для нас непоправимым грехом. Поэтому уйти придётся вам.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А то, что вы довели здесь ребёнка!.. Вы же заставляете её сделать это!.. Вы уговорили её своими красивыми словами. Это не грех? Это преступление! Вы – сектанты!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Женя, скажи всем здесь присутствующим, мы тебя заставляли, убеждали как-то?

ЭВЕЛИНА. Да мы её отговаривали!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Эва, подключи к Жене свой аппарат, и после того, как она ответит, скажешь результат. Даже не так. *(Николаю.)* Вот вы, идите сюда, пожалуйста. Вы навряд ли в чём-то здесь заинтересованы, не так ли? Подойдите в Эве, к Эвелине, и после того, как Женя даст ответ, скажете нам, объявите показания ручного детектора. Это аппарат правды. Его не обманешь.

НИКОЛАЙ *(подходя к Эвелине)*. Дорогая штука, наверное?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Внимание!.. Женя, скажи, здесь тебя как-то уговаривали, на тебя чем-то воздействовали?

ЕВГЕНИЯ. Нет! Это моё личное осознанное решение. Твёрдое. Я совершу задуманное во что бы то ни стало.

НИКОЛАЙ *(взглянув на светящийся экранчик аппарата)*. Она говорит правду.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я хочу объясниться со своей дочерью.

ЕВГЕНИЯ. А я не хочу!

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Евгения!..

ЕВГЕНИЯ. Хватит разговоров, мама. Ну что ты можешь сказать? Вот они проводили со мной конкретные беседы!.. Они отговаривали меня такими способами, на какие у тебя не хватит извилин. Ну какие ты можешь привести новые доказательства, мама?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я прошу тебя поговорить со мной наедине.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ. Женя, ты сможешь убедить маму добровольно покинуть храм? Или принять обряд.

ЕВГЕНИЯ. А если она заявит?

ЭВЕЛИНА. Нас не найдут. При самых активных поисках до завтрашнего утра. Даже больше, до послезавтрашнего. А за это время многое изменится. Да никто особо и не станет искать. Уж я-то знаю.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сможешь? Надо постараться.

ЕВГЕНИЯ. Куда нам идти?

ЭВЕЛИНА. В комнату бесед. Пойдёмте, я вас закрою.

ЕВГЕНИЯ. Пошли, мама.

Эвелина уводит Евгению с Диной Дмитриевной.

НИКОЛАЙ. Скажите, а как это будет выглядеть?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Всеми своё время. *(Папосу.)* Продолжим с вами? Нам осталось, я чувствую, самое нелёгкое преодоление.

ПАПОС. Я бы хотел дождаться возвращения. *(Указывает вслед ушедшим.)* От решения Дины Дмитриевны и будем дальше плясать.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Никто не против? *(Вернувшийся Эвелине.)* Ты как, Эва, согласна подождать? Сколько они побеседуют? Минут десять, пятнадцать?

ЭВЕЛИНА. Подождём.

ПАПОС. А вы-то сами не против?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я провожу службу.

ПАПОС. Так это служба?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А как же! Свершается обряд. *(Разведя руками, делает пассы.)* Участвуют посвящённые, посвящаемые и даже сторонние наблюдатели. Чего никогда не было. Так что всё будет по-честному. По самому высокому счёту. Вы не в телевизоре.

НИКОЛАЙ. Тогда, может быть, пока есть время, вы нам всё-таки расскажете?

РАЙСА. Да что тебе так неймётся?

ЭВЕЛИНА. Вы тоже хотите помешать?

НИКОЛАЙ. А разве кто-то хочет помешать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Пусть попробует. Возникающие препятствия меня только раззадоривают. Хорошо, расскажу. Как только мы придём к общему согласию, что проведение обряда необходимо...

ПАПОС *(перебивая)*. А вы уверены, что все согласятся?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. Несогласные покинут святилище храма. *(Далее серьёзным, возвышенным тоном, как бы продолжая.)* Произойдёт следующее!.. Эвелина, предлагаю начать.

ЭВЕЛИНА. Мы же не удалили обстоятельства, которые препятствуют.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Мы подготовимся. Только начало. Создание психологической атмосферы. Которая может как-то повлиять.

НИКОЛАЙ. Повлиять на что?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. На принятие окончательного решения. Здесь, на подиуме, установится ритуальный стол. А на нём появятся хрустальные бокалы.

Эвелина выдвигает на центр подиума круглый стол с зеркальной поверхностью. Затем вносит (или они действительно появляются магическим образом) три подноса чёрного цвета, на которых стоит по фужеру на высоких ножках, но не хрустальных, а цветного стекла.

ЭВЕЛИНА *(закончив установку)*. Пожалуйста!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Спасибо. Они наполнятся ритуальной солнечной жидкостью!.. *(Делает знак и Эва наполняет бокалы из глиняного кувшина.)* Это яблочный сок, немного белого вина и освящённая вода из церкви. Я, читая вечные молитвы, предложу юным жрицам заветный порошок с объяснением, как он действует и каким образом поможет им уйти в новый мир.

ЭВЕЛИНА. Они всё знают.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, Эвелина права. Объяснять здесь особо нечего. И не зачем. Они давно знакомы с проведением обряда.

НИКОЛАЙ. Он проводится не в первый раз?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно.

НИКОЛАЙ. То есть, на их глазах уже?..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. На их глазах – нет. То, что они когда-то видели, они уже забыли. Ни один из адептов храма не может дважды участвовать в обряде.

НИКОЛАЙ. Участвующий – понятно. А присутствующий?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Итак, я ничего им не объясняю. Даже значения молитв. Эти слова вечны. Они читают их вместе со мной. Я лишь задаю им вопрос. В последний раз. Готовы ли они совершить обряд? Что подсказывают им вечные молитвы?

ДАША. Молитвы подсказывают сделать это.

СОНЯ. Мы готовы.

ДАША. Они зовут нас.

ПАПОС. Кто зовёт?

ДАША. Вечные слова. Истинные, правдивые, без лжи. Оттуда.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. После чего я подаю им это. *(Делает знак, Эвелина подносит ему блюдо со шкатулкой. Открыв шкатулку, достаёт три расписных яйца на подставке. Ставит каждое напротив фужера.)* И они уже сами... Сами!.. Открывают священные писанки и высыпают их содержимое в свой бокал. Порошок растворяется минуту, во время которой читается молитва «Прими душу мою». И только после того, как свершающие обряд получают ответ, что путь для них в новый мир открыт, и они могут идти...

ПАПОС *(перебивая)*. От кого они получают ответ?

ДАША. Я же сказала, бабушка! Оттуда!

ПАПОС. Они его услышат?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Они его почувствуют. Ощутят. *(С жестом указательного пальца на Папосу.)* Вот если не получат, тогда нельзя.

ДАША *(Папосу)*. Мы его получим, не сомневайся *(Василию Викторовичу.)* Извините. После того, как мы получим ответ?..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Каждая выпьет священный напиток. После чего начнётся погружение в уход. Они сядут в кресла обряда и уснут.

Эвелина выкатывает три современных кресла.

ПАПОС. Но это же кресла офисной мебели.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да какая разница? Главное – суть происходящего.

ПАПОС. Не скажите. Для вас, как я понимаю, не только содержание, но и форма важна. Ваша одежда, нарисованный символ – это же атрибуты взятые из прошлого. Веками проверенная форма.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А я ничего сверхнового и не предлагаю. Я слуга традиций.

ПАПОС. И вдруг универсальная пластиковая мебель. Освящённая вода – это, насколько мне известно, из металлического бака с нарисованным крестом, к которому подсоединены водопроводные трубы?

ЭВЕЛИНА. Он будет всячески ломать проведение. Будет превращать сакральное в обыденное.

ПАПОС. Вы знаете такие слова? А что для вас означает понятие сакральность?

ЭВЕЛИНА. У меня два высших образования.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. То же, что и для вас. Для нас всех.

ПАПОС. А если... У вас приготовлено три бокала. А если третья девушка не согласится? Передумает.

СОНЯ. Она согласится.

ДАША. Не сомневайся.

ПАПОС. А вдруг? Если она не согласится, откажется, то вы позволите ей вместе с мамой уйти?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А почему бы и нет?

ПАПОС. Вот как? Так просто?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно. Мы все уйдём. И вы, и они, и мы. Обряд не состоится просто. Если одна из девушек передумает, то обряд не проводится. Их должно быть трое. А вот если он не произойдёт, то вы не будете посвящены, то есть, приняты. И второй попытки у вас не будет. Поэтому решайте, что для вас важнее. Проведение обряда и вход в храм истинной веры?.. Или отказ и уход от нас подальше?

ПАПОС. Вот как вы ставите вопрос.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я даже знаю, какое вы примите решение. Только вы здесь пока ничего не в силах изменить. От вашего мнения ничего не зависит. Если девушка не откажется, то всё произойдёт. И сотворится вот таким образом. *(Указывает двумя руками на подиум.)*

НИКОЛАЙ *(Pause)*. Вот каким образом это всё произойдёт.

РАИСА. Ну, всё-таки не верёвка. И не прыжок с высотного здания.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А если девушка вдруг откажется, то ничего не будет. *(Pause, весело.)* Ну, как, будем проводить обряд? *(Пауза.)* Или есть какие-то вопросы?

ПАВЕЛ. У меня есть вопрос. Можно? *(Поднимается и сходит с подиума.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, Павлик, слушаю вас.

ПАВЕЛ. Вы поставили три подноса, три бокала...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(весело)*. Да, на троих. Тебе это знакомо?

ПАВЕЛ. А как же я?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. В смысле?

ПАВЕЛ. Ну, вы же и мне обещали. Что я с вами, я такой же, как вы. Я уже совершаю обряд.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Всё правильно. Обряд свершается, ты в нём участвуешь, он сейчас произойдёт, ты всё увидишь и прочувствуешь, и только после этого будешь считаться прошедшим обряд.

ПАВЕЛ. Но вы же меня уже приняли. Я вошёл. Вы сказали, что я частица света души вашей... Что-то типа этого.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ты принят, но ещё не посвящён. Ты только начал.

ПАВЕЛ. Как? Вы же сами сказали, что я буду вместе с ними. Тоже пройду этот самый обряд.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нет-нет, Паша, я такого не говорил. Вы не поняли, Павлик. Ты станешь прошедшим обряд лишь после того, как он пройдёт перед тобой.

ПАВЕЛ. Но я хочу с ними.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что с ними? Как с ними? Они свершают, а ты ещё только проходишь. С ними у тебя не получится.

ПАВЕЛ. Почему это не получится? Я же готов.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сначала нужно посвятиться...

ПАВЕЛ. Так вы же меня посвятили!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Посвящение – это прохождение обряда. Затем отслужить в храме. У нас иерархия, понимаешь? Ах да, откуда тебе знать, что такое иерархия. Не сразу, постепенно, нужно пройти несколько ступеней, показать себя достойным, пожить в вере, а потом доказать способность души на возвышающий поступок...

ПАПОС. На подвиг, вы хотите сказать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну, можно и так. Не перебивайте. И лишь потом начнётся подготовка с нашей верховной жрицей. *(Показывает на Эвелину.)* Под её руководством. Под её духовной опекой.

ПАВЕЛ. Это сколько же времени пройдёт? Я сейчас хочу.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сейчас никак нельзя. Ты не готов.

ПАВЕЛ. Да готов я! Вы же сами сказали, что я сейчас вместе с ней!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что вместе с ней?

ПАВЕЛ. Ну, это самое... *(Указывает на стол.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ты хочешь перейти вместе с ней в другой мир? Ты не сможешь, Павлик.

СОНЯ. Не мешай, пожалуйста.

ЭВЕЛИНА. Ты её потом догонишь.

ПАВЕЛ. Ага, догонишь её потом!.. Её в этой-то жизни не найти, не поймать, а там она вообще как уйдёт чёрт-те куда!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(грозно)*. Паша!.. Павел, здесь нельзя употреблять вредных слов. Не надо выражаться. Не употребляй всуе ничего лишнего, не надо!.. Все эти словечки, обороты, приколы, ругань, сквернословие, пустая болтовня – это всё там, снаружи. Страстишки, желания, первичные эмоции, животные инстинкты, эти функции организма здесь не должны работать. Их надо отключать. Здесь нет места пошлости и похабщине. Здесь храм. Здесь только вера и душа. Всё телесное должно за бортом оставаться. Отключаться автоматически. Ты в другом океане. А у тебя пока этого не происходит. Ты горишь страстью, обидой, кипишь переживаниями. Рано тебе, понимаешь? А ты говоришь – готов. Не готов.

ЭВЕЛИНА *(подходит к Павлу, нажимает кнопки аппарата, дотрагивается до него штекером)*. Ну!.. Смотри, видишь, сколько цифр? А должен быть ноль. Почти нули во всех окнах. Десятые доли.

ПАВЕЛ. Что же мне делать?

ЭВЕЛИНА. Пройти обряд до конца.

ПАВЕЛ. Но я хочу участвовать, хочу с ней!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Так ты уже участвуешь. Должен увидеть всё, что сделает она, прочувствовать её правду, ощутить искренность...

ПАВЕЛ. То есть, я должен увидеть, как она... А сам останусь?.. *(Пауза.)* Так!.. А если ничего не произойдёт? Ну, если эта девушка сейчас выйдет и откажется, значит, ничего не случится?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно.

ПАВЕЛ. Значит, я не пройду обряд? Ну, вы же сказали, что второй попытки не будет.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*указывая на Папоса*). Это для него не будет. А ты уже принят. Ты же с нами.

ПАВЕЛ. Ничего не понимаю...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И замечательно! Не надо пока ничего понимать. Вера – это не понимание, это другое.

ЭВЕЛИНА. А потом я тебя подготавливаю. Ты способный.

ПАПОС. А я, значит, неспособный?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. У вас есть задатки. Хороший потенциал. Вы прошли детектор. Ваши стремления искренни. Но вы проникли сюда не за этим. Он хочет принять нашу веру, начинает прохождение обряда... А вы хотите, как вы выразились, спасти? То есть, отговорить, разубедить?

ЭВЕЛИНА (*весело*). Спасти от чего?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да уж! Это не смешно даже, потому что мы говорим на разных языках. Нет, пусть попробует, конечно. Теперь понимаешь, для чего я его оставил?

ЭВЕЛИНА. Нет.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Не спеши.

ПАПОС. А на каком языке можно понять, или объяснить тот факт, что принятие им веры, истинной веры, как вы говорите, заключается в том, что он должен присутствовать при её гибели?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Какой ещё гибели? Что за слова? Он должен прочувствовать её искренний переход в другую жизнь, в мир истинной веры!..

ПАПОС. Но он же предаёт свою любовь!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Опять!.. Предаёт, любовь... Я же объяснял, и вам несколько раз объясняли при подготовке, и вы читали в наших требниках, что в храме нет места страстишкам, переживаниям и суесловию. Вы про это всё там с ним поговорите.

ПАПОС. Вы хотите сказать, что мы с ним ещё встретимся?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вполне возможно.

ПАПОС. Что мы выберемся отсюда?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно. А вы разве с ним не встречались раньше?

ПАПОС. Нет.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Значит, у вас ещё всё впереди. Если будет желание. У вас или у него. Павлик, у вас будет желание встретиться там с вашим старшим товарищем по имени Папос? Вы с ним вместе готовились. Правда, вы уже приняты, а он пока нет.

ПАВЕЛ. Да я что-то ничего не понимаю.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вот он говорит искренне. В отличие от вас.

На пульте мигает красная лампочка.

ЭВЕЛИНА. Они подают знак. Разговор окончен. (*Уходит.*)

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сейчас мы продолжим.

ПАПОС. Вы так уверены?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*улыбаясь*). А вы сомневаетесь?

ПАПОС (*улыбаясь тоже*). Когда есть сомнения разнообразнее жить.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Очень верное наблюдение. Что значит опыт. Сохраните эту искренность.

ПАПОС. А вы почему не сомневаетесь?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сомневаюсь!.. Ещё как сомневаюсь.

Входят Эвелина, Дина Дмитриевна и Евгения.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я хочу принимать участие в проходящем обряде.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. До конца?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. До конца.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. То есть, вы хотите пройти обряд посвящения и быть принятой в храм, войти в наше исповедание?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Желание осознанное?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Вполне.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(сделав руками объясняющий жест перед Раисой)*. Мы сейчас продолжим.

ПАПОС *(Дине Дмитриевне, удивлённо)*. Но это же ваша дочь!..

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да.

ПАПОС. Она же сейчас...

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я хочу всё видеть.

ПАПОС. О чём же вы с ней говорили?

Евгения идёт к Даше и Соне, обнимает их.

СОНЯ. Молодец! *(Целует её)*.

ДАША. Поздравляю! *(Трясёт её руку)*. Было трудно?

ЕВГЕНИЯ. Ну так.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Девушки, передохните немного. *(Указывает, куда им уйти.)*

Даша, Соня и Евгения уходят.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Нам бы тоже не помешало. Немного прийти в себя.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(к Раисе)*. Не желаете ли посетить какое-нибудь заведение?

РАИСА. Не откажусь.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Эва, проводи. *(Указывает на Дину Дмитриевну и Павла)*. Этих в комнату отдыха. А нашу уважаемую Раису тоже потом к ним. *(Николаю)*. А вы, молодой человек, остаётесь.

НИКОЛАЙ. Почему?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы же хотите спросить меня о чём-то.

Эвелина уводит Раису, Дину Дмитриевну и Павла.

ЭВЕЛИНА *(обернувшись)*. Как обычно? Кофе или чай?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Лучше просто воду.

НИКОЛАЙ. Да, я бы хотел уточнить кое-что.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Слушаю, пожалуйста.

НИКОЛАЙ. Вы, когда объясняли, как всё будет происходить, говорили, что увидеть обряд нельзя дважды.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. Говорил.

НИКОЛАЙ. То, что участвующие, совершающие обряд, его больше не увидят, это как-то само собой разумеется...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(серьёзно)*. Естественно.

НИКОЛАЙ. Вы, конечно, как проводили его, так и будете проводить.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я и Эва. Мужчина и женщина. Две половины единой сути. Жизни, веры и храма.

НИКОЛАЙ. А вот на мой вопрос о присутствующих вы не ответили. А присутствующие-то как?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Им больше не предоставится такой возможности. *(Кивает на Папоса.)* Вот он увидит обряд только раз. Как посвящаемый. А вот потом, уже как служитель храма, как приверженец веры нашей, адепт!.. *(Папосу.)* Извините, что такое слово. В этом качестве он уже сможет только сам его совершать. Но это уже не наблюдение, как вы понимаете. Это другое.

ПАПОС. А если я не захочу?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Никто вас принуждать не станет.

ПАПОС. Я о другом. Если я не захочу сейчас? Не захочу быть посвящаемым? Обряд не состоится?

НИКОЛАЙ. Вы сказали, что если обряд не состоится, то мы все выберемся отсюда.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну, мало ли что я говорил!.. Я же здесь не один. Есть законы храма.

НИКОЛАЙ. То есть?.. *(Вслед ушедшим.)* Раиса!.. *(Хочет идти туда.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Тихо, тихо, тихо!.. *(Берёт его под руку и возвращает на место.)* Я же сказал, мы остаёмся здесь.

НИКОЛАЙ. Почему?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Чтобы не вышло глупостей.

НИКОЛАЙ. Я бы тоже хотел немного... чаю.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нам сейчас принесут.

НИКОЛАЙ. А можно покрепче?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. У нас – исключено. Психика должна быть чистой.

НИКОЛАЙ. У меня с собой.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я скажу Эве, чтобы она изъяла у вас чемоданчик.

НИКОЛАЙ. Не надо!.. Значит, вы сначала говорите одно, потом другое?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я сегодня много чего говорил. И в каждом случае по конкретному поводу. В узком смысле. Исходя из требований ситуации. А не вообще. *(Папосу, весело.)* Верно? Подтверждаете мои слова?

ПАПОС. Ваше чувство юмора помогает вам держаться на уровне? Выглядеть достойно?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А вам разве нет? Вы же тоже шутили. Не смотря ни на что.

ПАПОС. Значит, обряд состоится?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ещё как!

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

*Освещается небольшое помещение без окон.
Два стула (или кресла), у каждого стоят друг против друга Евгения и Дина Дмитриевна.*

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Что ты хочешь этим доказать?

ЕВГЕНИЯ. Я хочу перейти в другой мир.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Смерть не ведёт в другой мир. Она ведёт в никуда.

ЕВГЕНИЯ. Обычная! А смерть верующего в ритуале ведёт к перерождению.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Это всё из-за меня? Твой уход из дома, приход в эту секту.

ЕВГЕНИЯ. Это не секта!

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я каким-то чудом попала сюда и успела. Я ведь не знала, что ты здесь. Это из-за отца? Из-за того, что мы с ним расстались? *(Пауза.)* Ну, должна же быть какая-то причина. Из-за чего ты здесь? Что послужило толчком?

ЕВГЕНИЯ. Да всё, мама, всё! Вся наша жизнь, этот мир, в котором я родилась. Я родилась, ты меня вырастила, спасибо тебе за это, но я больше не хочу.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я тебя воспитала.

ЕВГЕНИЯ. Сомневаюсь. Ты давала мне уроки воспитания, но чем дальше, тем больше я не хотела их. Потому что видела неправду этих уроков. Обман. Везде и всюду. Ты говорила одно, а делала другое. А какое имя ты мне дала? Евгения!

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я дала тебе самое красивое имя.

ЕВГЕНИЯ. Это по-твоему. И вы не расстались с папой, он сам от тебя ушёл. Потому что не мог больше терпеть лживости.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Он мне изменял!

ЕВГЕНИЯ. Да я про другое!.. Кто кому изменял, кто первый начал – это ваши дела, меня не касаются. А я видела, как ты при нас была одной, меня поучала, отцу демонстрировала заботу и внимательность, а подружкам жаловалась какая я дрянь, неизвестно в кого уродилась, а он вообще сволочь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Ты подслушивала, что ли? Вот и результат. Нельзя этого делать.

ЕВГЕНИЯ. Да что ты говоришь? Я твоих подруг терпеть не могла. Вы только и делали, что хвастались друг перед дружкой своими подвигами. Ах, какие наряды, какие драгоценности, какие путешествия, какие мужчины, какая обеспеченность!.. Ничего больше. Улыбки до ушей. Вот оно счастье. А что за этим? На самом-то деле что? Мелкие грешки, обманы и хитрости. Показной оптимизм. И вы меня ещё и наставляли, как быть такой же успешной. А я не хочу показывать, какая я счастливая, чтобы скрыть, какая я на самом деле. Я хочу быть настоящей женщиной.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да что ты в этом понимаешь? Для этого надо стать женщиной. Не попробовать, а стать. Поживи сначала женщиной.

ЕВГЕНИЯ. Вот поэтому я и не хочу жить так, как вы.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Ничего себе... *(Садится.)* И что же дальше?

ЕВГЕНИЯ. Не мешай мне. Пожалуйста. *(Тоже садится.)* Ты ничего не изменишь. Потому что у меня вера. Вера, понимаешь? Это не любовь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Давай, уйдём отсюда? Просто, тихо. Нас выпустят?

ЕВГЕНИЯ. И ритуала не будет?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Это всё заблуждения, доченька. Это всё было и много раз. Я только доказать, объяснить не могу. Эти люди очень умные, конечно. С большими способностями. Очень мощными. Как педагоги, учителя и наставники дают очень много.

ЕВГЕНИЯ. Куда больше, чем дома и в школе.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Но ведь они уведут тебя так далеко!..

ЕВГЕНИЯ. А я и хочу. Очень и поскорее. Уйти от этой жизни подалше.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Они для тебя безграничные авторитеты, конечно. К тому же у тебя вера, как ты говоришь. Ты веришь в них? Но это же не религия.

ЕВГЕНИЯ. Они открыли мне веру в другую жизнь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. В какую, в другую? Перерождение? Реинкарнация? Они что, буддисты? В том же буддизме умышленное прекращение жизни недопустимо. Потому что в другую жизнь ты перейдёшь с тем же багажом. С теми же грехами. Ты здесь должна дожить до просветления, чтобы там быть счастливей. Эту жизнь следует прожить так, чтобы там было лучше. Я массу литературы прочла за это время. Это в исламе считается почётной смертью во имя аллаха. А в буддизме такого не может быть.

ЕВГЕНИЯ. Да какая смерть? Что ты беспокоишься о какой-то смерти? Смерти нет. Как могут родители пожелать смерти своему ребёнку?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Кто?

ЕВГЕНИЯ. Родители. Они.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А я для тебя кто?

ЕВГЕНИЯ. Ты для меня природная родительница. А они дают воспитание как отец и мать.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А я тебя не воспитывала?

ЕВГЕНИЯ. От них я получила другое рождение. И сегодня оно должно состояться окончательно. Я ещё только зрела. А сегодня должна выйти.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Куда? Нет, я не могу такого позволить. Что он там говорил? Что если один откажется, то обряд не состоится?

ЕВГЕНИЯ. Это если я откажусь. А я не откажусь. *(Весело.)* Ты что?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А если я откажусь? Я, я откажусь! Я не хочу этого!

ЕВГЕНИЯ. Обряд пройдёт без тебя. Или в другое время. В другом месте.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. У вас есть разные места?

ЕВГЕНИЯ. Но только в этом случае ты меня больше не увидишь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да я же и так больше не увижу тебя! Или ты хочешь сказать, что есть какие-то варианты? Что ты имеешь в виду? Что я смогу тебя видеть во сне?

ЕВГЕНИЯ. Разве этого мало? Сны – это тоже жизнь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да я же хочу, чтобы ты жила не только во снах!

ЕВГЕНИЯ. А вот если обряд пройдёт не сегодня и не при тебе, и ты не будешь посвящена, ты меня больше не увидишь вообще.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Как это?

ЕВГЕНИЯ. Я не стану к тебе приходить. А Василий Викторович сделает так, что ты обо мне забудешь. Совсем. Он может.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да, он может.

ЕВГЕНИЯ. Тебя будут спрашивать. А где ваша дочь? А ты будешь отвечать, что они ошибаются, у тебя дочери никогда не было.

ДИНА ДМИТРИЕВНА (*ужаснувшись*). Меня же отправят в психушку. Или отдадут под суд.

ЕВГЕНИЯ. Вот и решай, что лучше. Или наши встречи, когда я буду приходить к тебе радостная... Или жизнь без меня. В каких-то других условиях. Ты даже не будешь понимать, как в них очутилась и за что. Ты будешь уверена, что не было у тебя никакой дочери.

Пауза.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Что я должна сделать?

ЕВГЕНИЯ. Мы сейчас выйдем, и ты объявишь, что желаешь присутствовать при обряде. Но ты должна этого хотеть. Искренне хотеть. Ты хочешь?

ДИНА ДМИТРИЕВНА (*не сразу, мучительно*). Да.

ЕВГЕНИЯ. Повтори, что ты должна сказать.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я хочу принимать участие в проходящем обряде.

ЕВГЕНИЯ. До конца?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. До конца.

Свет меняется.

Освещается прежнее место действия со всеми участвующими, лишь на ритуальном столе пустые бокалы.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну, что же, продолжим! У нас остался третий кандидат в посвящаемые. Самый непростой и конфликтный. Я бы даже сказал, антагонист, потому как истинная цель его нахождения здесь...

ПАПОС. Неправда! Я хочу быть посвящённым.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, вы каким-то образом смогли пройти все начальные ступени храма и обмануть детектор.

ПАПОС. Я не обманывал!

ЭВЕЛИНА. Обман был бы тут же обнаружен.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да-да, всё дело в искренности, что не совсем понятно.

ПАПОС (*весело*). Что же вам не понятно?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*указывая на Дину Дмитриевну*). Она прошла в храм, не зная, что здесь её дочь. А вы не только знали про внучку, но и знали, что готовится обряд.

ПАПОС. Какой обряд? Я не знал. Вы про этот ваш ужасный обряд? Обряды бывают разные...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(делает знак Эвелине, чтобы она произвела замер Папоса аппаратом)*. Помните, вы говорили, что готовы пройти какие угодно обряды. В самом начале. Я ещё удивился.

ПАПОС. Да не знал я ничего про ваш обряд!

ЭВЕЛИНА. Вот теперь он врёт. *(Показывает всем дисплей аппарата, замигавший жёлтым цветом.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, разные бывают обряды, конечно. А каким вы представляли наш обряд посвящения?

ПАПОС. Не таким варварским. Это похоже на обряд жертвоприношения. *(Указывает на стол.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Жертвоприношения?.. Ого!.. Девушки, неужели вы приносите себя в жертву? *(Даша, Соня и Евгения смеются.)* Их ответ для вас убедителен? Жертвоприношение – это когда вы отдаёте что-то навсегда, лишаете себя или кого-то чего-то дорогого, ради какого-то приобретения. Не обязательно материального. Благосклонности судьбы, например, или богов, или каких-то мистических сил. То есть, это выгодная сделка.

ПАВЕЛ. Типа купли-продажи.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Даже он понимает.

ПАВЕЛ. А чего такого? Я же сказал – типа.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А в чём же здесь, у нас, вы усматриваете получения выгоды?

ПАПОС. Зачем вы пригласили журналистку? *(Жест на Раису.)* Даже ваша помощница возмутилась.

ЭВЕЛИНА. Соратница.

ПАПОС. Тем более. Вы пошли на нарушение законов храма ради чего? Мы прошли начальные степени, писали тесты, заполняли анкеты, штудировали требник, отвечали на вопросы, нас измерил ваш детектор, мы готовы принять веру, пройти тайный обряд посвящения, и вдруг оказывается, что за всем происходящим будут наблюдать посторонние люди. Ради чего? Невольно возникает вопрос. Если мы сознательно участвуем в таком непростом обряде, в трагическом даже, ни много - ни мало, то мы действительно перешагиваем куда-то, становимся соучастниками, ну и так далее. Но девушки-то совершают вот это вот, так дьявольски задуманное, для чего?

ПАВЕЛ. Не выражайся! Ему что, можно?

ПАПОС. Разве они делают это не для возвеличивания не только храма, но и вас, как верховного правителя? Девушки примут смерть ради вашей славы, так получается?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Опять!.. Да что вы заладили: смерть, смерть...

ЭВЕЛИНА. В нашем храме смерть невозможна.

ПАПОС. Вот как? А что же это будет?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. А давайте пройдём обряд и вы поймёте.

ПАПОС *(тоже улыбаясь)*. Вот так просто?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Только ваше желание должно быть искренним.

ПАПОС. Для этого я должен принять всем сердцем необходимость для меня и веры и обрядов...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы же до этого уверяли нас, что желаете. Убедили детектор.

ПАПОС. До этого мне не предлагали вот такого именно посвящения.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, он первым сказал об этом. Даша, вы сможете убедить вашего дедушку в необходимости для него же самого прохождения обряда посвящения?

Пауза.

ЭВЕЛИНА. Предлагаю закончить на этом. Если кто-то не согласен – обряд не проводится.

ПАПОС. Нет!

ЭВЕЛИНА. Что – нет? Вы же не хотите.

ПАПОС. Предлагаю другое.

ЭВЕЛИНА. Вы даже хотите что-то предложить? Это уже наглость.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Давай послушаем.

ЭВЕЛИНА. Вот они последствия. Начинается торговля. В храме!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Она права. Сначала вы обвинили нас в проведении сделок ради славы какой-то, возвеличивания. Теперь ищите выгоды сами? Что же вы хотите предложить?

ПАПОС. Предлагаю себя вместо неё. Мы с ней поменяемся. Она сюда, я – туда. Павлик хотел пройти обряд вместе с ними, а я хочу вместо!.. Разница есть? Моё желание самое чистосердечное и правдивое. Прощу верить без всякого детектора.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Разница есть. Вот пример настоящей любви, девушки. Когда ради дорогого человека ты согласен жертвовать всем, даже собственной жизнью. Надеюсь, вы понимаете, почему ваше желание неприемлемо? Я даже не спрашиваю мнения Даши по этому поводу, её согласия.

ПАВЕЛ. Только посвященные и подготовленные могут. Мне ведь не разрешили.

СОНЯ. Дед, пойдём, выйдем.

ПАПОС. Ничего себе... Дашенька!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вот так вот. Молодежь.

ПАПОС. Она такой не была.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Наше будущее.

ПАПОС. И прошлое!

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(весело)*. Гм, а ведь точно подмечено. Соглашаюсь с вами не в первый раз. *(Делает знак Эвелине.)*

Эвелина уводит Дашу и Папоса.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(Пауза)*. Ещё немного подождём.

НИКОЛАЙ. Обряд может не состояться?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А вы как думаете?

Свет меняется.

Даша и Папос в тесном помещении.

ДАША. Как ты меня нашёл?

ПАПОС. Я выкрал твой проспект.

ДАША. А была уверена, что потеряла. *(Пауза.)* Дедушка, я хочу перейти в другой мир.

ПАПОС. Дашенька, это не переход. Это конец.

ДАША. По-твоему. Ты же неверующий. А верующему даётся чаша, которая и есть настоящая жизнь.

ПАПОС. Это он вас такому научил? Да пойми ты, что как только ты выпьешь эту чашу, никаких миров больше не будет. Потому что сознание выключится.

ДАША. Откуда тебе знать? Тебе известен только этот мир, которым ты доволен.

ПАПОС. Я не всем доволен. Далекое не всем.

ДАША. А я вообще не хочу быть в этом мире. Просто не хочу.

ПАПОС. Да почему?

ДАША. Потому что кругом одно враньё и лицемерие. Он из этого состоит. Не только люди, общества, страны, а вообще мир. В котором одни пожирают других. Каждое рождённое существо всего лишь звено в пищевой цепочке.

ПАПОС. Ну ты как скажешь!..

ДАША. Со всех сторон только агрессия. Я не могу больше чувствовать себя жертвой. Потом, телесная определённости. Я должна рожать, потому что это инстинкт. А я не хочу жить инстинктами, я не животное. Поэтому я сама себе отвратительна. Мне противна моя физическая оболочка.

ПАПОС. С тобой что-то случилось?

ДАША. Нет, ничего не случилось. Так. Кое-какой опыт. Несущественно. Я просто видела, как умирает старый человек. Я не хочу такого кошмара. Я твоей смерти не хочу, дедушка.

ПАПОС. Ты её не увидишь.

ДАША. Но мне придётся тебя хоронить. Ты хочешь, чтобы я стала такой же, как мама? *(Показывает руками широкие, грузные бока.)*

ПАПОС. Размер от тебя будет зависеть.

ДАША. Размер жизни не зависит от проживающего. Тебе ли не знать? От меня ничего не будет зависеть. Потому что во мне сидят гены. Которые работают по заданной программе.

ПАПОС. Тебе осталось доучиться. Получишь диплом и уедешь.

ДАША. И папа тут же устроит меня в транснациональную компанию на хорошую должность? А потом я стану наследницей. Буду счастлива и обеспечена. Наслаждаться богатством. Но ведь это жизнь только инстинктами.

ПАПОС. Какими? Ты про что? Инстинктами живут примитивы.

ДАША. Инстинкту жадности подвластны все. Как и многим другим. И во мне они сидят. Я с ними боролась много раз. Но чаще побеждали они. Когда мало, мало, хочу ещё, ещё, больше, больше, я уже не знаю, чего хочу. А здесь-то что? *(Прикладывает руку к сердцу.)* Пустота. Здесь-то богаче не становишься. Поэтому я знаю, чего хочу. Жить телесными потребностями не для меня. Я не таракан. Тело ничтожно. А дух высок. Я хочу парить в высоте, а не погружаться всё ниже.

ПАПОС. Где ты собираешься парить?

ДАША. В других мирах.

ПАПОС. Как в интернете, что ли? Там же не миры, а окна информации. Миры возможны только в нашем воображении. А оно развивается и становится богаче, как ты хочешь, лишь в живом теле. Такова реальность. Биологическая основа.

ДАША. Но ей может быть противопоставлено величие духа.

ПАПОС. Кем?

ДАША. Человеком. Люди совершают иногда подвиги. Ты же знаешь. Сам такой.

ПАПОС. Суицид – это не подвиг.

ДАША. Для кого-то слабость. А для кого-то признак величия. Совершить подвиг в обеспеченное благоухающее время намного сложнее, чем в тяжёлых, конфликтных обстоятельствах.

ПАПОС. Да кому нужен такой подвиг?

ДАША. Мне.

ПАПОС. Ты не хочешь увидеть будущего? Оно непредсказуемо и ради этого интереса стоит жить.

ДАША. К сожалению, я предвижу своё будущее. Можно постараться что-то в нём изменить, но стоит ли, зная, чем всё закончится? Обманывать себя? Да, этим жить можно и жить долго, но потом ведь взвоешь.

ПАПОС. Почему ты не можешь жить просто? Без этой зауми?

ДАША. Я же говорю. Гены работают по заданной программе.

ПАПОС. Кем, кем в тебе задана эта программа?

ДАША. Тобой.

Пауза.

ПАПОС. Ты, надеюсь, понимаешь, что я просто так не уйду?

ДАША. Конечно. А ты, надеюсь, понимаешь, что я не передумаю? Я вызвала тебя на разговор, чтобы задать тебе один лишь вопрос. Ты боишься держать ответ перед моими родителями?

ПАПОС. Ничего я не боюсь.

ДАША. Они же спросят тебя. Как такое случилось? Когда примчатся из своего райского далека.

ПАПОС. Почему ты не хочешь к ним? Вот сюда, и куда-то дальше, на какой-то ужасный обряд, тебя тянет, а туда нет? Почему?

ДАША. Я же была там несколько раз. Там такая скука. Я же тебе рассказывала. И то, что они щебечут, как им хорошо, и что они, наконец-то, счастливы, это всё какое-то ненастоящее. Их щебет вызывал у меня большие сомнения.

ПАПОС. А здесь настоящее?

ДАША. Как ты вычислил, что я здесь? Ах да, по проспекту. А с чего началось? После того, как я рассказывала тебе о моих поездках к родителям?

ПАПОС. Я давно стал подозревать, что с тобой происходит неладное.

ДАША. Начал следить, да? Потом украл проспект храма. Мне за него могло сильно влететь.

ПАПОС. Потом я узнал, как попасть сюда. Долго собирался.

ДАША. Сам придумал это смешное имя? Нет, где-то вычитал.

ПАПОС. Я не только им назвался, я опубликовал под этим именем четыре научные статьи. По социальной психологии. Мне пришлось изучить её так хорошо, что мои работы не только приняли к публикации, но и широко обсуждались.

ДАША. Что ещё ты изучил за это время? Наверняка, многое по нашей теме.

ПАПОС. Конечно. Все эти теории про бесконечность жизни, потому что вселенная бесконечна, всё это было много раз. Начиная с Древней Греции. А то и раньше. Причём, есть теории многовариантности, а есть гипотезы повторения. По одной мы состоим из энергочастичек, причём в каждой своя бесконечность, а из них состоит вселенная, количество хоть и неизмеримое, но постоянное, как бесконечны и варианты сочетаний этих частичек, как в живой, так и в неживой формах. Другая старая сказка – это вечное возвращение. Между мигом смерти и мигом рождения ноль времени, но этот ноль исчисляется миллиардами, в которых заложены как миллиарды повторений, так и миллиарды бесконечных вариаций, которые тоже доходят до какого-то предела и вновь повторяются.

ДАША. Значит, всё ещё будет и много раз?

ПАПОС. Что будет?

ДАША. Наша встреча. Вот этот разговор.

ПАПОС. Все эти теории рождены человеком. А он конечен! Как и всё им созданное.

ДАША. Но если теории рождаются и рождаются, повторяются и развиваются, значит, конца этому нет?

ПАПОС. Да пойми, что ты-то не теория, для тебя, конкретно для тебя, ничего не будет, потому что ты исчезнешь. Потому что такой вариант сочетания частичек больше не повториться!

ДАША. Ну ты же не знаешь, Господи!..

ПАПОС (*грозно*). Не упоминай всуе!..

ДАША (*весело, как бы продолжая фразу*). Имени Создателя?.. Ты уже действуешь, как служитель храма. Осталось немного.

ПАПОС. Понять и принять?

ДАША. Нет, согласиться. Вера – это смирение.

ПАПОС. С чем же я должен смириться?

ДАША. Создатель, по-моему, сотворил наш мир как эксперимент. И в нашей пробирке все реакции происходят по законам причина-следствие, выгода-действие, потребность-необходимость, и так далее. А я хочу в другие законы, в другой мир.

ПАПОС. Вот тебе и надо бы смириться. Если создатель определил тебе эту пробирку, тут и сиди.

ДАША. И другого будущего у меня нет? А если катаклизм какой-нибудь? Ну, метеорит долбанёт, потепление, похолодание, или ещё много чего. Раз – и больше нет никакого будущего.

ПАПОС. Тогда и веры этой твоей не будет. Потому что она из головы.

ДАША. Да, если жизни человеческой не будет, то и веры не будет. А тот мир, в который меня тянет, он вечен. Он-то останется. Помогите мне, дедушка. Если ты меня понимаешь, то как разумная личность и родственная душа... У тебя действительно нет ответственности перед моими родителями?

ПАПОС. Нет. Я пришёл за тобой потому... Потому что! А они сойдут с ума сами.

ДАША. Помоги. Дай мне совершить задуманное.

ПАПОС. Но это же противоестественно!

ДАША. Вот и соверши противоестественный поступок. На такое способен лишь человек. Пойдём. *(Берёт его за руку.)*

Свет меняется.

Пространное помещение.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы начинали свою первую анкету с вопроса: хотите ли вы познать самого себя. Помните?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Да. Этот вопрос повторялся в разных вариантах.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Так вот, если вы сознательно, не просто, а с искренним желанием, примите участие в обряде, и на ваших глазах посвящённые перейдут в другой мир, а вы тем самым пройдёте посвящение, то перед вами откроется дорога к высотам вашей души. Нужно только верить в истинность выбранного пути.

ПАВЕЛ. А если у меня не получится?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Получится. У нас нет способных и неспособных, везучих и невезучих. Если вы истинно верите, желаете войти в неё, то будете посвящены, затем будете постигать разносторонность веры, развивать свои силы и возможности, а если созреете до перехода в мир света, истины, то сами совершите обряд.

Эвелина вводит Папоса и Дашу.

ПАВЕЛ. То есть, сначала мы выходим на дорогу, ну, про которую вы говорите, а потом она приводит нас вот к этому. *(Показывает на стол.)* Ну, то есть, к обряду.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это весьма примитивно. Посвящение открывает в вашей душе такие способности, о которых вы не подозревали.

ПАВЕЛ. Так я уже посвящён.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Повторяю, ты был лишь принят. Начал. Осталось немного.

ПАВЕЛ. Сначала вы сказали, что приняты все. Если теперь между нами... *(Указывает на Папоса.)* Если между нами никакой разницы, то зачем нужно было накрывать меня тряпкой?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Чтобы помочь тебе. *(Папосу.)* Вы приняли решение? Вы желаете быть посвящённым?

Пауза.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Я бы хотела ещё уточнить про веру. Вы сказали, что это и есть дорога, которая откроется...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, она распахнётся перед вами, чтобы по ней идти и идти, идти и идти... То есть, жить.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Идти куда?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это образное выражение. Вера – это путь души к высшему идеалу.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. И когда мы дойдём, то надо будет совершить переход?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну как можно дойти в бесконечности? Нужно идти и идти, то есть, жить в вере.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А они что же? Если они переходят, то, значит, куда-то дошли?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Они лишь в своей вере дошли до желания перейти в тот непознаваемый мир истины и света.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А там они дойдут?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Куда?

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Ну, чего-то достигнут?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Если он непознаваемый, значит, беспредельный, вечный, и в нём достигнуть чего-то невозможно.

ЭВЕЛИНА. Мы отвлеклись.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Ну дайте мне уяснить!.. Если я выхожу на путь, иду, иду, то есть, живу в вере, то я здесь? А если захочу перейти в тот мир, к которому шла, то нужно совершить обряд?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Причём обряд совершает далеко не каждый. Единицы решаются на переход.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Для нас это будет не обязательно?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно!.. *(Эвелине, весело.)* Ей надо разложить всё по полочкам. Не понимает даже, что это вредно.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А как же они, если необязательно?

ЭВЕЛИНА *(раздражённо)*. Они сами захотели!.. Мы их отговаривали!.. А когда убедились, что их желание беззаветно, то наша обязанность помочь.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Мы им помогаем.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А сами-то вы где при этом? Там или здесь?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И там и здесь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Как это?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Мы в ней живём.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. То есть, вы хотите сказать, что вера – это вы?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нет, я так не хочу сказать, что вы. Вера – это вера. А я лишь скромный жрец. Мы создатели храма.

ПАПОС. Подождите!.. Дина Дмитриевна, извините, но вы слишком наивно ставите вопрос. Зададим его иначе. Василий Викторович, мы так понимаем, что вы в своё время уже совершали переход? Вы и вы, Эва? *(Смотрит на Эвелину.)* Или вы только придумали этот обряд, а совершать его предлагаете другим?

ЭВЕЛИНА. Конечно совершали. По несколько раз.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Мы не только живём в нашей вере, мы создали храм, развиваем его и правим.

ПАПОС. И там и здесь?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И там и здесь.

ПАПОС. Тогда начинайте! Я готов. *(Эвелине, которая медленно к нему подходит.)* Я желаю видеть, как обряд совершится.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Искренне? Всем сердцем?

ПАПОС *(зажмурившись)*. Всем своим существом!

Эвелина замеряет его прибором, идёт затем к Василию Викторовичу и показывает ему дисплей.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Попробуем. *(Останавливает её возражение успокаивающим жестом.)* Даже интересно. Свет. Павлик, Дина Дмитриевна и вы, Папос, идите за ней.

ДАША. Называйте его по имени. Дедушку зовут Виктор Васильевич. Как вас, только наоборот.

ПАПОС. Мы почти тезки.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Почти!.. Какое многозначительное слово!..

Эвелина ведёт Павла, Дину Дмитриевну и Папоса туда, откуда они будут воспринимать обряд, усаживает там на пол, затем идёт к пульту и нажимает кнопки. Теперь освещён только ритуальный стол, остальные в полумраке.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(подходит к сидящим на полу, делает над ними лёгкие пассы)*. Освобождаемся... Освобождаемся... Выпрямляемся... Закрываем глаза... Смотрим... Смотрим... Видим... *(Идёт к девушкам.)* Освобождаемся... Освобождаемся... Закрываем глаза...

Под его бормотание и пассы девушки с закрытыми глазами садятся за стол. Эвелина разливает из кувшина по фужерам напиток.

По взмаху Василия Викторовича девушки берут фужеры, отпивают по глотку, ставят их на прежнее место. Эвелина открывает шкатулку и ставит перед каждым фужером расписное яйцо на подставке.

По сигналу Василия Викторовича девушки берут яйца, открывают их и высыпают в фужеры порошок.

В фужерах происходит реакция.

Василий Викторович подходит к каждой и, наклоняясь, задаёт неслышимый остальным вопрос.

Девушки в ответ кивают и что-то произносят.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Идите!.. *(Делает взмах двумя руками.)*

Девушки выпивают содержимое фужеров, ставят их на стол, откидываются на спинки кресел и засыпают. Василий Викторович обходит их, трогая безвольно висящие руки, словно убеждаясь в законченности произошедшего.

Свет меняется, теперь девушки в полумраке, а сидящие на полу освещены. Эвелина подходит к ним.

ЭВЕЛИНА *(вполголоса)*. Вы посвящены!.. Вы ощутили полной мерой!..

ПАВЕЛ *(громким шёпотом)*. А они? Они уже вышли?

ЭВЕЛИНА. Ушли.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(подходя к сидящим)*. Они уже не здесь.

ПАВЕЛ. Это была какая-то гуся?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что? *(Переглядывается с Эвелиной.)*

ПАВЕЛ. Ну... Я не знаю как сказать...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это от полноты чувств. Вам осталось проснуться в обретенной вере. Для этого надо забыться.

ЭВЕЛИНА. Пошли, Павлик. Для того, чтобы очнуться, нужно заснуть.

ПАВЕЛ. Как они?

ЭВЕЛИНА. Конечно. Только не здесь, а там. Пойдёмте, пойдёмте...
(Дотрагивается до заморожено сидящих Папоса и Дины Дмитриевны.)

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Так они что?..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Они уже в другом мире.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. А мы?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А вы лишь открыли свои души, благодаря им. Перед вами распахнулась дорога света. Для того чтобы ощутить себя на ней полностью, нужно заснуть.

ЭВЕЛИНА. Чтобы увиденное и прочувствованное разместилось по полочкам возбуждённой психики.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Это как рождение.

ЭВЕЛИНА. Которым посвящение заканчивается.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Но мы их больше не увидим?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы их не только увидите, вы с ними встретитесь.

ДИНА ДМИТРИЕВНА. Как это?

ЭВЕЛИНА. Для этого нужно проснуться. Идёмте!..

*Эвелина уводит Павла, Дину Дмитриевну и Папоса.
Василий Викторович разводит руками перед Раисой и
Николаем, как бы говоря, что действие закончено.*

РАИСА. Так это всё было на самом деле?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Здесь же не телевизор. И не виртуальная реальность.

РАИСА. И мы теперь что, свидетели?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (весело). Вы ещё не такое увидите. Жизнь разнообразна.

НИКОЛАЙ. Не понимаю вашего юмора. Всё было по-настоящему?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Когда в телевизоре мелькают рожи, они настоящие?

НИКОЛАЙ. Почти.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы меня там хоть раз видели?

НИКОЛАЙ. Нет. Её видел.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. И не увидите. Потому что если я там появлюсь, я стану таким же, как вы сказали, почти. Какое ёмкое слово – почти!.. Почти реальность!.. Почти жизнь!.. Почти жизнь – это когда у человека только материальные, первичные потребности. Отчего почти человек страшнее животного. Запомните хотя бы это. Если всё понятно.

НИКОЛАЙ. Вы сказали, что почти человек опаснее животного?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, в нём природная дикость усилена продуманной изошрённостью. Теперь ясно? Ну и достаточно. Потому что об остальном вы даже не вспомните?

РАИСА. Как это? Почему?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Потому что всё, что здесь было, вы не видели. Не-ви-де-ли! *(Делает магический взмах руками. Идёт в полумрак к ритуальному столу. Звонко хлопает в ладоши.)* Идите!

Девушки, очнувшись, встают из кресел.

СОНЯ. Как, мы здесь?

ЕВГЕНИЯ. Здесь так темно. А где же свет?

ДАША. Опять всё это?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нет!.. Вы же стали другими!.. Вы перешли в другой мир!..

СОНЯ. Так мы живы?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно! Для кого смерть конец, для тех всё дальнейшее бессмысленно. А вы перешли в бессмертную жизнь!..

ЕВГЕНИЯ *(плаксиво)*. Но Василий Викторович!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я для вас больше не жрец. Вы теперь сами способны распоряжаться энергией своей души. Вы созрели в храме и улетаете из него как голуби. Вы отныне ангелы света.

ДАША. Какие ангелы? Опять в реальность?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да вы не сможете, как раньше, потому что стали другими!.. В реальности только ваша физическая оболочка, а души уже высоко!.. Ну?

СОНЯ *(восхищённо)*. Да, высоко!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Прежние заботы и проблемы теперь смешны!..

ЕВГЕНИЯ *(весело)*. Очень смешны!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Переживания, страдания и даже мысли покончить с собой – это же глупость!..

СОНЯ *(тоже весело)*. Неужели это были мы?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Свет не вокруг, свет внутри вас!.. Вы теперь носители света. Вам дано жить в мире, чтобы люди тянулись к свету. Идите!.. *(Подходит к каждой и, дотрагиваясь, повторяет.)* Идите.

ДАША. Куда?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сейчас по своим кельям. Досмотрите сон о просветлении души. *(Громко.)* Эва!..

Шум, крики.

ЭВЕЛИНА *(вбегает, преграждая путь рвущемуся Папосу)*. Сюда нельзя!.. Нельзя сюда!..

ПАПОС *(яростно)*. Мне можно!.. *(Пытается нанести ей удар, или отшвырнуть, чтобы не мешала, но падает от умелого контрприёма.)* О, Господи!..

ДАША *(весело)*. Дедушка!.. Не употребляй всуе имени создателя!..

ПАПОС *(поражённый увиденным настолько, что не может встать)*. Дашенька?.. Почему?..

ДАША *(смеясь)*. Потому что у него много имён, и не одно не отражает сути!..

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. Сколько религий, столько и имён. Эва, проводи наших ангелиц по кельям увидеть прощальные сны.

Эвелина уводит Соню, Дашу и Евгению.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы чем-то рассержены?

ПАПОС. Уже нет. *(Быстро поднимается.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Что же случилось? Вы ушли отдохнуть.

ПАПОС. Да, всё было хорошо, я уже задремал, как вдруг очнулся и увидел, как Эвелина делает Павлу инъекцию, укол.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Значит, так надо. У неё медицинское образование. Она делала что-то непрофессионально?

ПАПОС. Да не в этом дело! Меня возмутил сам факт. Что вы на нашу психику воздействуете не только этим... *(Показывает на ритуальный стол.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Чем же ещё?

ПАПОС. Всё, у меня больше нет вопросов. То, что я здесь увидел...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы ничего здесь не видели.

ПАПОС. Конечно. Согласен.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы прошли обряд освящения.

ПАПОС. И очень рад этому. Я готов служить вам как самый преданный воин.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(улыбаясь)*. Только не в такой форме.

ПАПОС. А Дине Дмитриевне я могу намекнуть?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. О чём?

ПАПОС. Она же встретиться со своей дочерью?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Конечно. Дочь завтра же вернётся домой. Как и ваша внучка. Они будут счастливы. Без ваших намёков. Ни она, ни вы даже не вспомните о прежних заботах. Правда, Евгения изменится. Дина Дмитриевна не узнает её даже. А потом засомневается.

Возвращается Эвелина, делает знак, что всё хорошо и подходит к Папосу.

ПАПОС *(Эвелине, радостно)*. Я теперь ваш! Простите, что доставил вам хлопоты. Я отдам все силы. Даже не только. У меня есть неплохие сбережения.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы серьёзно?

ПАПОС. Вы же требуете безоговорочной веры. Почему же сами не верите людям?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вера людям – это другое. Она лишь мерцающая частичка. А всеобщая вера – постоянный свет, без сомнений.

ПАПОС. Неужели вы откажетесь от добровольных вложений?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нет, конечно. Но мы не коммерческая организация, учтите. Здесь не церковь и не монастырь.

ПАПОС. Я сам отдаю все средства.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Лучше все силы и способности. А теперь надо всё-таки отдохнуть, Виктор Васильевич. Нет, я буду называть вас Папос. Под этим именем вы принесёте храму наибольшую пользу. *(Эвелине.)* Я не зря оставил его. Он станет лучшим нашим жрецом. Наконец-то у меня появится настоящий!..

ЭВЕЛИНА. Помощник? Ассистент? Секретарь?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Сподвижник!

ПАПОС. Наконец-то я займусь делом! Я так рад, что буду в вашем храме!.. Я ведь шёл сюда не за этим, наоборот!..

ЭВЕЛИНА. Пойдёмте. Вам надо забыть обо всём прежнем.

Эвелина уводит Папоса.

Пауза.

РАИСА. А мы как же?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы тоже обо всём увиденном забудете.

НИКОЛАЙ. Разве такое можно забыть?

РАИСА. Хорошо. А можно несколько вопросов, раз уж всё равно увиденное исчезнет, уйдёт в никуда?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ничего бесследно не исчезает.

РАИСА. Значит, уточнить кое-что разрешаете?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я ради этого и пошёл на встречу с вами.

РАИСА. Как я поняла, ваш храм одна из современных форм религиозных отправлений, да? Сектантских уверований в Бога?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Не надо суесловий, я предупреждал. Конкретные вопросы.

РАИСА. Храм существует давно?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Как всё вечное в наших душах.

РАИСА. Когда вы организовали службы таким вот образом?

Входит Эвелина.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Идея принадлежит не мне. Открыла пустующий храм Эвелина. Она долго проработала психологом и медиком в правоохранительных органах. Имеет офицерское звание. Она искренний спаситель мечущихся душ.

ЭВЕЛИНА. Ты решил обо всём поведать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Они всё равно ни о чём не вспомнят.

ЭВЕЛИНА. Когда я занималась молодёжными движениями, я изучала воздействие на молодые головы и психику разных магов, экстрасенсов и колдунов. Василий Викторович отличался от других уникальным бескорыстием. На его способностях наживались другие, организаторы. Мы познакомились, я рассказала о предмете изучения, пригласила к сотрудничеству, он согласился и вдруг открыл мне своё понимание. Что главная причина не во внешних проблемах, социальных, материальных, экологических и прочих, а во внутренней и главной. У него стройное учение. Расскажи в двух словах.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Человек триедин по образу и подобию. В нём сидит жажда знаний, жажда веры и жажда творчества. Религия, искусство и наука. Что-то более активное, что-то менее, но присутствует обязательно и даёт о себе знать. А суть жизни человеческой в движении, открытиях и построении храма души, где это триединство воплощается, но не застывает, а живёт.

РАИСА. А как же другие потребности? Жажда обогащения, например?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы правильно сказали – это другие. Триединств много. Я говорил о триединстве божественного в человеке. А базовое триединство – это триединство существования вообще. В нём животная суть, идущая от природы, человеческое, идущее от мозга, и космическое, идущее отсюда. Но в нём уже меньше божественного. Космос – это результат создания, а строительство храма души – это процесс. Хотя и космос процесс, ну неважно. Это лишь слова. Есть триединство света, мрака и сумерек. Триединство чёрного, белого и серого, в котором все другие цвета. А храм создателя – это божественное триединство. В нём душа, творения природные и человеческие, всё придуманное, написанное, построенное, и обязательно непознанное, таинственное, называемое духом святым и не только. Триединство храма – это наше с вами сборище вот в этом месте.

ЭВЕЛИНА. Вот мы и решили помогать выстраиванию храма души тем, кто мечется в религиозных поисках, не понимая, что они религиозные. И здесь способности Василия Викторовича оказались на высоте.

НИКОЛАЙ. В чём же его способности? Он хороший гипнотизёр?

ЭВЕЛИНА. Вы сегодня это познаете.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Мы не апокалипсическая секта, предсказывающая, что всё погибнет, лишь мы останемся, а потому идите к нам, только заплатите деньги. Как вы поняли, мы не проводим акции наказания или устрашения. Нет, мы помогаем открывать в душах истинную религиозность. Потому что прежние методы устарели.

РАИСА. Вы хотите сказать, что церкви, мечети и прочие молельные дома следует закрывать, как отжившие?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ни в кое случае, что вы! У кого душа тянется к ним, они туда и пойдут. Потому что там для них лучше строится храм души. Там ведь тоже повторяют и твердят, что тело ничтожно, а дух высок. Но потребительская философия берёт верх. Значит, что-то не то. Может быть, оттого, что правят миром в большинстве люди, унаследовавшие религиозное несовершенство? *(Небольшая пауза.)* Люди ждут не второго пришествия, не гарантий и доказательств попадания в рай, им не хватает истинной религиозности. Это не значит, что прежние методы себя не оправдали. У вековых традиций грандиозный опыт. Но, скажем так, человечество из них выросло.

ЭВЕЛИНА. А для пути к истине нужна истинность.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вот! Это требование у нас главное. И начали мы строго с себя. Ещё не было этого всего, проверяющей аппаратуры, только замыслы и желания. Мы с ней встали друг перед другом, глядя в глаза, и задали один и тот же вопрос. Истинно ли твоё желание? Она мне поверила. А я ей не поверил. Эвелина уволилась из органов, порвала с ненавистным мужем и лишь после этого мы начали. Жажда истинности сидит в каждом как частица религиозности.

РАИСА. Значит, желающих попасть в храм вы проверяете на истинность? Или искренность? Вы о ней тоже говорили.

ЭВЕЛИНА. Они проходят несколько ступеней.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Желаящих мало. Многие не знают, и это хорошо, кто-то не верит, и это тоже хорошо, а большинство посещают других. Кому-то храм вообще не нужен, есть люди, у которых душа изначально религиозно выстроена. А кому-то и не надо никакой религиозности, достаточно животных инстинктов. Но в основном не идут по незнанию. Невежество – это же наша стихия. О нас ведь почти ничего не известно. Вот и думаем, как бы это исправить.

РАИСА. Значит, если мы захотим попасть к вам, то нам предстоят испытания и проверки?

ЭВЕЛИНА. Вы к нам не пройдёте. Ни вы ни он.

РАИСА (*улыбаясь*). Почему? Потому что, как вы выразились, мы не настоящие люди, а почти?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы очень внимательны. Честь и хвала.

РАИСА. Профессия. Но как это понимать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Настоящие, ненастоящие – это слишком поверхностно и условно. Вы не сможете быть искренними, вот.

НИКОЛАЙ. А ещё вы сказали, что человечество выросло из прежних одежд религиозности. Это как надо понимать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да я много чего наговорил сегодня. Я образно стараюсь говорить. Слова не отражают всей сути. Толкования порождают ошибки.

НИКОЛАЙ. А я образно и пытаюсь осмыслить. По-вашему, человечество выходит из детского возраста? Или вы предлагаете ещё одну детскую игру?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Игры продляют детство.

ЭВЕЛИНА. Любимая шутка Василия Викторовича, что люди рождаются ангелами, а в течение жизни оскотиниваются. Только не воспринимайте эти слова прямолинейно.

НИКОЛАЙ. Да я только уточнить хочу. Ведь наивно полагать, хоть и по-ангельски, что если сменить игру, надеть другие очки, то всё вокруг переменится. Это уже какое-то суеверие.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вам нужны точные, законченные формулировки? Они возможны в науке. В религии они становятся догмами, застывают как памятники, в которых нет жизни.

РАИСА. Что же тогда жизнь? Как вы определяете?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Про саму жизнь ничего не скажу. А вот жизнь души в религии – это как раз недосказанность, многообразие, движение смыслов. Религиозность настолько эфемерная структура, что в ней возможно действие только в ангельской форме. Вот почему нужна детская игра, потому что в ней заложена вера.

НИКОЛАЙ. И для этого вы запустили сегодня в мир новых ангелов?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Можно и так сказать.

НИКОЛАЙ. Надо было добавить им белые платочки и дать в руки по яблоку.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Они сами определяют, что им нужно. Они больше нам не подчиняются. Как и вы, хоть и не ангелы.

РАИСА. В каком смысле?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Наша встреча окончена. Мы расстаёмся.

РАИСА. Мы уходим?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нет. Вы очнётесь в другом месте.

РАИСА. Что же сейчас мы должны сделать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Послушно сесть в кресла.

ЭВЕЛИНА (*выкатывая два кресла*). В которых вы ощутите способности Василя Викторовича.

РАИСА. Даже интересно. А вы ещё мне позвоните?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Нет. Больше никаких звонков. Мне Эвелина не позволит. Она не только спасительница душ, но и защитница храма.

ЭВЕЛИНА (*подкатывает кресло в Раису*). Прошу.

РАИСА. Куда? Сюда?

ЭВЕЛИНА. Сюда – это значит на выход.

НИКОЛАЙ (*Василию Викторовичу*). Позвольте интимный вопрос напоследок. Только между нами.

ЭВЕЛИНА. Я разрешаю! (*Усаживает Раису.*)

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*улыбается и качает головой на реплику Эвелины, отводит Николая чуть в сторону, говорит вполголоса*). Слушаю.

НИКОЛАЙ. Вы несколько раз повторили, что мы ничего не вспомним. Мне кажется, что трудно забыть то, что мы увидели.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вот и проверите.

НИКОЛАЙ. Как же я проверю, если я ничего не вспомню? Но я хочу спросить о другом. Если вы уверены, что мы ничего не вспомним, то для чего рассказывали нам про то, как начинали, про философию вашего дела? Если у нас в памяти сотрётся всё ради сохранения тайны храма, то зачем было раскрывать подробности? Показали и достаточно. Хотя непонятно зачем и показывали. Но спасибо вам за то, что разрешили присутствовать. А рассказали вы, всё-таки, с какой-то целью, да? С надеждой, что вдруг в наших воспоминаниях что-то мелькнёт? Или у нас всё-таки многое всплывёт в памяти со временем?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да, вдруг что-то мелькнёт, и вы сделаете более-менее правдивые догадки, когда будете анализировать услышанное.

НИКОЛАЙ (*улыбаясь*). Что анализировать?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вы же оставили включённым диктофон в вашей сумке.

НИКОЛАЙ. У меня нет записывающей аппаратуры. Ваша охрана проверяла нас.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Хотите, я её найду? Но тогда вы лишитесь возможности анализировать что-либо.

НИКОЛАЙ. Не надо.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Значит, аппаратура есть? Охрану вы как-то перехитрили?

НИКОЛАЙ. Диктофона как такового нет. Его бы нашли. Но есть новейший микрофон. Даже ваша бывшая сотрудница из органов не знает этой системы.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (*улыбаясь*). Ну, что ж, тогда успехов.

НИКОЛАЙ. Но если вы позволяете вынести зафиксированное, сохраняете нам возможность хоть что-то потом изучать и анализировать, то я делаю вывод...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Какой? (*Эвелине, которая закончила с Раисой и нетерпеливо желает подойти.*) Сейчас! Ещё минуту. Какой же вы делаете вывод?

НИКОЛАЙ. Не совсем приятный для вас.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Говорите, не бойтесь.

НИКОЛАЙ. Что вам хочется всё-таки, чтобы о вас знали, да? Вы заинтересованы в распространении хоть какой-то информации, чтобы немного известности, а то и славы.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Если вы делаете такой вывод, то у вас и мнение обо мне изменилось?

НИКОЛАЙ. Вы становитесь для меня более по-человечески понятны. А то выглядели железобетонным монстром, сконструированным только из идей. От идейных личностей у простых обывателей больше хлопот, чем пользы. Я поначалу думал, что вы обычная секта. А здесь была игра, сказка.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Для спасения детей любые сказки хороши.

НИКОЛАЙ. А для спасения взрослых?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Если человек живёт искренне, он сам спасётся. Искренность – это частичка бога.

НИКОЛАЙ. Но игра – это же обман. У вас искренний обман, что ли?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Какой обман? Они переродились на самом деле. Вы ничего не поняли, хоть и считаете себя интеллектуалом.

НИКОЛАЙ. Ну так объясните.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Делать мне больше нечего. *(Улыбаясь, ведёт Николая к свободному креслу.)*

ЭВЕЛИНА *(подойдя к ним ранее)*. Разъяснить что-то журналистам – это как отдавать себя на съедение.

НИКОЛАЙ. Да почему?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Садитесь.

НИКОЛАЙ *(усаживаясь)*. Надеюсь, что сумка останется при мне?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(Эвелине)*. Сумка остаётся при нём.

ЭВЕЛИНА. Как скажешь.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ *(глядя на заснувшую Раису)*. Она уже засыпает?

ЭВЕЛИНА. Я же кое-чему научилась у тебя.

НИКОЛАЙ *(глядя на Раису)*. Я сейчас буду таким же? Ну, хорошо. Даже интересно, смогу ли я всё забыть?

Василий Викторович делает пассы, вскидывает голову вверх, закрывает глаза. Николай засыпает, руки безвольно повисают, сумка падает на пол. Василий Викторович поднимает сумку, вкладывает её Николаю подмышку.

Эвелина и Василий Викторович укатывают кресла с заснувшими туда, откуда они пришли.

Василий Викторович возвращается, находит третье кресло, усаживается в него, вытягивает ноги, раскидывает руки, запрокидывает голову.

Возвращается Эвелина.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Как я устал сегодня! Они вытянули из меня все соки. Порой начинаешь сомневаться, а стоит ли продолжать?

ЭВЕЛИНА. Те три девочки, которых мы спасли, будут иного мнения. А какого соратника мы приобрели?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ты же не верила.

ЭВЕЛИНА. Сегодняшний день нам удался. *(Медленно подходит.)*

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Я порой готов сорваться. Особенно когда они цепляются за слова.

ЭВЕЛИНА. Людям хочется определённости.

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Вот поэтому истинной веры им никогда и не достичь.

ЭВЕЛИНА (*подходит сзади и обнимает его*). Всё сказал? Больше ничего не хочешь добавить?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. А вот то, что люди многого не знают, в этом даже их заслуга, я думаю. А человеческая жизнь – это вообще подвиг!

ЭВЕЛИНА. Я же всё слышала. Если ты их пригласил и дал возможность записать информацию, то как это надо понимать? Я цепляюсь не за слова, а за поступки. (*Пауза.*) Ты же сам говорил, что про нас не должны знать. Если о храме станет широко известно, то это конец. Получается, что ты сознательно разрушаешь своё же творение? Как же так, Вася?

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Ну что – Вася, что – Вася?.. Вася, Вася!.. Ничего не могу с собой поделать. Я тоже человек. Простой смертный. Теперь мне кажется, что про нас должны знать. Пусть они намекнут, что где-то что-то есть... Ну, есть ещё какие-то ценности. Не знаю, как они намекнут или сообщат. Пусть к нам не сразу придут, но пусть нас ищут. Поиск – уже дело.

ЭВЕЛИНА. Но ты же говорил...

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Да мало ли что я говорил!.. Говорил, говорил... Эх, жизнь!.. (*Обнимает её.*)

Затемнение.

Конец.

ДРОЗД Тарас Петрович.
dtp-spb@mail.ru

